

Терри Пратчетт

~~Фауст~~ *Эрик*

“Плоский Мир” № 9

пер. Степан М. Печкин, 2023

Степаниздат
Цур-Адасса, 2023

Eric, © 1991? by Terry Pratchett
Translation © Stepan M. Pechkin, 2023
(p) Pechkin Production Initiatives, est. 1989

редакция от Stepan Pechkin (rev. 16)

(p) YEAR by Publisher, City
ISBN

Всякое коммерческое использование текста или какой-либо части текста без согласования с владельцами авторских прав оригинального издания запрещено соответствующими законодательными актами. Текст перевода публикуется исключительно с ознакомительными, образовательными и эстетическими целями. Издание не преследует никакой иной выгоды, кроме общего блага всех живых существ.

Пчелы Смерти, черные и крупные, жужжат басовито и мрачно. Они собирают мёд в соты белоснежные, как поминальные свечи. А мёд у них тягучий, как ночь, черный, как грех, и сладкий, как сон.

Всем известно, что, если смешать вместе все восемь цветов радуги, то получится белый цвет. Но есть ещё и восемь составных цветов черного – для тех, кто может их видеть – и улыбки Смерти стоят в черной траве черного сада под усыпанными черными цветами ветками кряжистых яблонь, плоды у которых тоже, мягко говоря, не румяные.

Сейчас черная трава была скошена. Коса, скосившая ее, стояла, прислонившись к кривому стволу груши. Смерть, оставив косу, проверял работу своих пчел, бережно вынимая своими костяными пальцами одну рамку с сотами за другой. Пчелы жужжали вокруг него. Как все пчеловоды, Смерть тоже носил шляпу с сеткой – но не потому, что его было, во что ужалить, а просто, если пчела залетала в глазницу, в голове начинало ужасно гудеть.

Смерть разглядывал соты на просвет в серых сумерках своего маленького мира, как вдруг почувствовал легкую, еле ощутимую дрожь между реальностями. Улей загудел. Лист сорвался с ветки и слетел наземь. По саду пронесся легкий ветерок – вещь невозможная, потому что воздух в стране Смерти всегда спокойный и недвижимый.

Смерти даже показалось, что он услышал на мгновение топот бегущих ног и голос, твердящий – нет, неотступно думающий – “черт, черт, черт, мне конец, мне конец, мне коне-е-е...”

Смерть появился во вселенной почти что самым первым. Его образ мысли и поведение недоступны пониманию смертным даже в самом общем виде. Но он, ко всему, ещё и хороший пчеловод. Поэтому первым делом он аккуратно вернул рамку на место и закрыл крышку улья.

Затем он прошел через темный сад в свой дом, снял шляпу с сеткой, выпустил в дверь нескольких пчел, застрявших-таки в глубинах его черепа, и закрыл за собой дверь кабинета.

Не успел он сесть за стол, как еще один порыв ветра заставил зазвенеть ряды песочных часов на полках вдоль стен, а огромный маятник в зале – замереть на мгновение, прервав свою бесконечную работу по нарезанию времени на частички удобоваримых размеров.

Смерть вздохнул и взгляделся.

Нет такого места, куда Смерть не может попасть, какими бы далекими и опасными эти места ни были. Собственно даже, чем опаснее место, тем скорее Смерть оказывается там.

Взгляд Смерти легко проникает мглу времени и пространства.

– А-а, – промолвил он наконец. – Опять он.

Жаркий полдень конца лета стоял в Анк-Морпорке – в обычную пору самом оживленном, шумном и плотно населенном городе на Диске. Сейчас стрелам солнечных лучей удалось то, что не удавалось бесчисленным нашествиям, нескольким гражданским войнам и закону о комендантском часе. Они принесли городу покой и тишину.

Собаки, вывалив языки, лежали в удушливой тени. Река Анк, прямо скажем, никогда не славившаяся искристостью струй, сейчас лениво ползла между берегами, словно жара лишила ее воли. Улицы дышали жаром, как кирпичные печи, и были пустыни.

Анк-Морпорк никогда не покорялся врагам. То есть, технически это случалось нередко: город охотно раскрывал свои ворота нашествиям варваров с деньгами, но через несколько дней незадачливые захватчики обнаруживали, что их кони больше им не принадлежат, а через пару месяцев бывшие оккупанты становились еще одной колоритной общиной со своими собственными граффити и лавками национальной кулинарии.

Но жара обложила город, и стены его оказались плохой защитой от нее. Жара легла на вяло трепыхающиеся улицы, как верблюжье одеяло. Под вездесущим прожектором солнца наемные убийцы ленились убивать. Воры обратились к честной жизни. В заросшей плющом твердыне Развидимого Университета, высшего учебного заведения для волшебников, обитатели дремали, натянув на лицо остроконечные шляпы. Мухи – и те перестали биться в оконные стекла. Город погрузился в сиесту, дожидаясь заката и перерыва на короткую и душную ночь.

Только один библиотекарь не парился вместе со всеми. Мало того – он ещё отвисал и оттягивался. Он развесил канаты и кольца в одном из особых подземелий библиотеки Развидимого Университета – том, где хранились книги про, простите, эротику¹. Хранились они в чанах со льдом. Сейчас библиотекарь сонно покачивался высоко над ними.

Все магические книги живут своей жизнью. Некоторые инкунабулы, обладающие особенно высоким потенциалом, нельзя просто приковать к книжной полке цепью – их приходится заколачивать гвоздями или держать между двумя стальными пластинами. А трактаты о сексуальной магии тантры для настоящих знатоков, к примеру, нужно держать в очень холодной воде на предмет самовозгорания их исключительно строгих черных переплетов.

Библиотекарь мирно спал, тихо покачиваясь взад-вперед в клубах прохладного пара, поднимающегося над чанами.

Тут из ниоткуда послышались торопливые шаги. Они пробежали по полу,

---

¹ Нормальную эротику, заметьте себе. Ничего такого*. Одно дело – использовать перо. Курицу – совсем другое.

* *Запрещенного на территории Российской Федерации. (Прим. перев.)*

словно по судьбе, и исчезли в стене. Откуда-то издалека донесся вопль “о боги, боги, боги, это всё, мне коне-е-е-ец!..”

Библиотекарь очнулся, потерял равновесие и шлепнулся в ванну с несколькими дюймами тепловатой водички – все, что отделяло “Радости тантрического секса, с картинками. Только для аспирантуры!” авторства мадам М.Ногоопытной от неуправляемой цепной реакции.

Это кончилось бы для библиотекаря очень плохо, если бы он был обычным человеком. К счастью, сейчас он был орангутангом.

Библиотека заключает в себе столько неконтролируемой магической энергии, что было бы удивительно, если бы в ней не случались время от времени разные невероятные происшествия, и одно такое происшествие, исключительно невероятное, превратило его в обезьяну. Немногим из людей выпало при жизни сложить с себя груз причастности к человеческому роду, и библиотекарь решительно противился всем попыткам вернуть его в надлежащий ему от рождения вид. Не желая потерять единственного во вселенной библиотекаря, способного листать книги ногами, университет не очень настаивал на этом.

Вследствие упомянутого выше факта, идеал женского обаяния и привлекательности для библиотекаря напоминал мешок с крупой, выгруженный с сухогруза машинным способом. Поэтому он отделался лишь легкими ожогами от пара, головными болями, да ещё странными идеями насчет огурцов, от которых к вечеру не осталось и следа.

В библиотеке над ним гримуары закрипели и изумленно зашелестели страницами, когда невидимый бегун промчался между книжных полок и исчез – то есть, исчез еще более, чем прежде.

Спокойный сон Анк-Морпорка был нарушен. Кто-то невидимый и вопящий во все свое невидимое горло пронесся по всем закоулкам города, повсюду сея ужас и разруху. Там, где он пробегал, все менялось.

Гадалка на улице Искусных Мастеров услышала шаги на втором этаже и обнаружила, что ее хрустальный шар превратился в стеклянный шарик с домиком и снежинками.

В укромном уголке трактира “Штопанный барабан”, где присели поболтать о своем, о девичьем, и перекинуться в канасту прославленные искательницы приключений Брюнхунда Броненосная Брюнетка, Роза Рыжая² и Диома Жрица Ночи – все три мохито внезапно превратились в маленьких зеленых слоников.

– Волшебники в своем университете бузят, – извинялся трактирщик, поспешно сметая животных и выставляя новые бокалы. – Когда уже это кончится!

---

² *Читатели популярных в Круглом Мире книг Роберта Говарда должны быть знакомы с Рыжей Соней, боевой подругой Конана Варвара. Чтобы не попасть в неудобное положение, зачастую несовместимое с жизнью, я настоятельно рекомендую не путать Розочку с Сонечкой, а Конана с Коганом. (Прим. перев.).*

Часы отбили полночь.

Члены Магического Совета протерли красные глаза и мрачно уставились друг на друга. Они тоже хотели знать, когда это кончится, тем более, что понимали, что кончать это придется им самим.

Наконец, новый архканцлер Эролит Пахт подавил зевок, выпрямился в своем кресле и принял сносно величественный вид. Он знал про себя, что он не сделан из того, из чего делаются настоящие архканцлеры. Он и не хотел этой должности. Ему было девяносто восемь лет, и этого почтенного возраста он достиг благодаря тому, что старался не перебегать никому дорогу. Пахт надеялся провести свои закатные годы, дописывая эпохальную монографию “Некоторые малоизученные аспекты куйских обрядов вызывания дождя” в семи томах – идеальный, на его взгляд, предмет для академического исследования, поскольку эти обряды работали только в Ку, а континент Ку погрузился в океан несколько тысяч лет тому назад.³ Беда в том, что в последние годы средняя продолжительность пребывания в должности архканцлеров имела устойчивую тенденцию к сокращению, и природное стремление волшебников занять эту должность начало уступать несвойственной волшебникам обычно скромности. Эролит Пахт просто проснулся одним прекрасным утром и обнаружил, что к нему обращаются с титулом “сэр”. Не один день у него заняло понять, что послужило тому причиной.

У архканцлера болела голова. Он думал, что пойти спать нужно было уже пару недель назад. Но кто-то должен был что-то сказать.

– Молодые люди! – начал было он.

– У-ук!

– Прошу прощения. Молодые люди и обезь...

– У-ук!

– Да-да, вы совершенно правы. Молодые человекообразные!

– У-ук.

Архканцлер несколько раз открыл и закрыл рот, пытаясь поймать ускользающую нить. Библиотекарь формально являлся членом ученого совета университета. Никто не нашел ни одного уложения, запрещающего членство в нем орангутанам – хотя искали весьма прилежно.

– По всей видимости, мы имеем дело с полтергейстом, – продолжил

---

³ Погружение продолжалось тридцать лет. Целое поколение жителей Ку прожило всю жизнь по колено в воде. В истории множественной вселенной это событие считается самой утомительной геологической катастрофой.

архканцлер. – Возможно, привидение или что-то в этом роде. Колокол, книга и свеча⁴ – рецепт надежный, проверенный.

– Мы пробовали, – вздохнул казначей.

Архканцлер повернулся к нему:

– Что такое? – спросил он.

– Я говорю, архканцлер, мы это пробовали, – повторил казначей громче прямо в ухо старика. – После обеда, помните? Мы взяли Худонравовы “Имена муравьев” и позвонили в Старого Тома⁵.

– Верно, верно. И что, помогло?

– Нет, архканцлер.

– Что такое?

– Вообще у нас до сих пор никогда не было проблем с привидениями, – заметил заведующий учебной частью. – Волшебникам не свойственно являться в простынях.

Архканцлер попытался ухватиться за соломинку:

– Может быть, это что-то естественное? – предположил он. – Шумы грунтовых вод. Движение тектонических плит. Что-нибудь в канализации. Знаете, оттуда порой раздаются престранные звуки, когда ветер дует определенным образом.

Архканцлер откинулся на спинку кресла, радуясь своей сообразительности.

Остальные члены совета переглянулись.

– Архканцлер, трубы не издают звуков, похожих на топот ног, – устало

---

⁴ Перед мысленным взором читателя немедленно должна предстать церемония отлучения от церкви, принятая где-то в VIII в.: епископ и 12 священников со свечами строятся в круг и произносят анафему, заканчивая ее словами “Во имя Бога Всемогущего, Отца, Сына и Святого Духа, блаженного Петра, князя Апостолов, и всех святых, силою, данную нам, вязать и разрешать на Небе яко на земли, лишаем сего и всех присных его и всех сообщников его Причастия Крови и Плоти Господа нашего, отлучаем от христианского общества, извергаем из лона святой матери нашей Церкви как на Небе, так и на земле, объявляем сего отлученным и анафемой и осуждаем его на вечный огонь с сатаной, аггелами его и всеми грешниками, покуда не разобьет оковы демона, не раскается и не помирится с церковью; отдаем его сатане на мучение тела, дабы дух его был спасен в Судный День.” На это священники отвечают троекратно “Да будет так”. Потом епископ звонит в колокол, закрывает священную книгу, и все гасят свечи, бросая их наземь. После этого о совершенном действии рассылаются письма всем окрестным епископам и священникам, дабы те по неведению не нарушили анафемы. Посредством этой суровой процедуры в 996 г. папа Григорий V отлучил дерзкого Роберта II Французского за попытку жениться на собственной родственнице Берте Бургундской; впрочем, со следующим папой Сильвестром II удалось как-то договориться и отменить все неприятные эффекты – возможно, повторив обряд задом наперед, хотя я плохо представляю, как можно позвонить в колокол наоборот. (Прим. перев.)

⁵ Имя “Старый Том” носил единственный бронзовый колокол, что висит на университетской колокольне, да и тот треснутый. Он треснул почти сразу после отливки, но все равно каждый час оглашает окрестности удивительно звонкой малиновой тишиной.*

* Нам не известно, знал ли сэр Терри Пратчетт о Царь-Колоколе, что стоит в Московском Кремле. Впрочем, Царь-Колокол никогда не висел на колокольне, поэтому нам неизвестно и то, способен ли он отбивать малиновую тишину. (Прим. перев.)

ответил казначей.

– А если кран неплотно закрыт? – возразил на это склочник-завуч.

Казначей глянул на него с ненавистью. Он как раз был в уборной, когда через его комнату пронеслось невидимое кричащее в ужасе нечто. Одного раза ему хватило с лихвой.

Архканцлер кивнул:

– Превосходно. Переходим к следующему пункту повестки, – сказал он и уснул.

Казначей молча глядел на архканцлера. Затем он снял со старика остроконечную шляпу и подпихнул ее ему под голову.

– Ну, что? – спросил он тихим голосом. – У кого-нибудь есть идеи?

Библиотекарь поднял лапу:

– У-ук, – сказал он.

– Молодец, хороший мальчик, – похвалил казначей. – У кого-нибудь ещё есть идеи?

Орангутанг свирепо посмотрел на него, а волшебники неодобрительно закачали головами.

– Это судороги в ткани реальности, – сказал завуч. – Вот что это такое.

– И что нам делать в таком случае?

– Откуда мне знать? Конечно, можно попробовать старый добрый...

– О нет! – воскликнул казначей. – Не продолжайте. Прошу вас. Это слишком опас...

Его слова утонули в вопле, который начался в дальнем конце зала и, измененный доплеровским эффектом, пронесся над длинным столом. Вопль сопровождал топот множества бегущих ног. Волшебники укрылись за баррикадой из перевернутых стульев.

Перед тем, как окончательно погаснуть, огоньки свечей вытянулись в тонкие язычки октаринного света.

Потом повисла тишина – та особая тишина, которая повисает после особенно неприятного шума.

В тишине казначей промолвил:

– Хорошо. Сдаюсь. Будем пробовать Обряд Ашк-Енте.

Это самый суровый обряд, который могут провести восемь волшебников. Этим обрядом вызывают Смерть – а от Смерти, естественным образом, ни у кого никаких секретов нет.

Понятно, что прибегают к этому средству крайне неохотно: старшие волшебники обыкновенно бывают не очень молоды не спешат обращать на себя внимание Смерти лишней раз.

Обряд устроили в полночь в Большом зале университета, среди большого количества благовоний, свечей, рунических надписей и магических кругов. Все это, строго говоря, не было необходимо, но так больше нравилось самим волшебникам. Искрилась магия, звучали гимны, и все волшебные слова были произнесены самым волшебным образом.

Волшебники глядели на магическую октограмму, а та оставалась пустой. Через некоторое время облаченные в мантии фигуры, стоявшие вокруг, начали шептаться:

- Что же мы сделали не так?
- У-ук?
- Куда же Он запропастился?
- Занят, может быть?
- Ну, так что, разбираем все и спать?
- Прошу прощения, кого мы ждем?

Казначей медленно повернулся к соседней мантии. Мантию волшебника трудно не узнать: она всегда украшена блестками, символами, оторочена мехом и кружевами, и в ней обычно довольно много самого волшебника. Мантия рядом с ним была исключительно черной. Ткань выглядела так, словно ее выбрали за прочность и стойкость. Так же выглядел и владелец мантии. Если бы он написал руководство по диете, оно немедленно стало бы бестселлером.

Смерть наблюдал за октограммой с выражением вежливого интереса.

– Простите, – выдавил казначей, – но дело в том, что на самом деле вы должны были быть там внутри.

– О. ИЗВИНИТЕ МЕНЯ.

Смерть величаво вышел в центр зала и ожидающе повернулся к казначею:

– ТОЛЬКО ДАВАЙТЕ НА ЭТОТ РАЗ МЫ ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ ВЫРАЖЕНИЙ НАВРОДЕ “ВРАГ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО” И ТОМУ ПОДОБНЫХ.

– Надеюсь, мы вас не отрываем ни от чего важного? – спросил казначей.

– Ни от чего. РАЗВЕ ЧТО ОТ КОГО.

– Вот как... Э-э-э... Причина, по которой мы тебя вызвали, о вра... э-э, причина, она...

– Ринсвинд.

– Что такое?

– ПРИЧИНА, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ ВЫ МЕНЯ ВЫЗВАЛИ. ОНА – РИНСВИНД.

– Но мы ещё не успели ни о чем спросить!

– Это ничего не меняет. Ответом все равно будет Ринсвинд.

– Видите ли, нам нужно понять, что вызывает весь этот невероятный...

Смерть молча стряхнул костяным пальцем невидимую пылинку с лезвия своей косы.

Архканцлер поднес к уху морщинистую ладонь:

– Что он сказал? Кто этот длинный с палкой?

– Это Смерть, сэр. Ну, Смерть, знаете?

– Скажите ему, что нам не нужно, – пробормотал старый волшебник, махнув в его сторону своей палкой.

Казначей терпеливо вздохнул:

– Архканцлер, это мы его вызвали.

– Мы?! С какой стати? Что за глупость, право слово!

Казначей выдавил из себя смущенную улыбку. Он уже готов был извиниться, намекнув на почтенный возраст архканцлера, но вдруг понял, что здесь и сейчас это будет не вполне уместно.

– Мы с вами говорим об одном и том же волшебнике Ринсвинде? Волшебнике, у которого этот жуткий... – казначея невольно передернуло, – Сундук на ножках? Но ведь его унесло взрывом во время той истории с влюбешником⁶, разве нет?

– В Подпольные Измерения, совершенно верно. А теперь он пытается вернуться домой.

– А это возможно?

– Потребуется исключительное стечение обстоятельств. Реальность должна прогнуться в некоторых местах, которым это обычно не свойственно.

---

⁶ Тут казначей туманно намекнул на непростую ситуацию, когда по вине Университета чуть было не произошел конец света, и даже неминуемо произошел бы, если бы не цепочка событий, в которых важную роль сыграли Ринсвинд, волшебный ковер и половинка кирпича, спрятанная в носок (см. книгу “Влюбшество”). Волшебники очень не любят вспоминать об этом происшествии – как это свойственно всякому, кто обнаруживает впоследствии, что был глубоко не прав – и удивления достойно количество руководителей университета, настаивающих, что в тот день были на больничном, навещали престарелую тетю или занимались исследованиями, плотно закрыв дверь своего кабинета и по обыкновению громко напевая себе под нос, по каковой причине не имели никакого представления о том, что происходит снаружи.

Поначалу ходили слухи, что Ринсвинду поставят памятник, но потом из-за непостижимых законов превращения материи, обычно действующих в таких случаях, памятник сменился мемориальной доской, та – изображением на доске почета, а в итоге Ринсвинд схлопотал выговор за неопрятный внешний вид, недопустимый на рабочем месте.

– Но это же, скорее всего, не произойдет, ведь так? – спросил испуганно казначей. Тот, кто брал отпуск на два месяца, чтобы навестить свою тетию, всегда будет смотреть с опасением на того, кто может ошибочно счесть, что никакой тети якобы не существует, и по причине оптического обмана решить, будто видел, как тот якобы делал что-то, чего никак не мог бы делать, если бы действительно гостил у своей тети.

– ШАНСОВ ОДИН ПРОТИВ МИЛЛИОНА, – ответил Смерть. – ДА, В ТОЧНОСТИ: ОДИН ПРОТИВ МИЛЛИОНА.

– Ах, вот оно что, – выдохнул казначей с облегчением. – Надо же. Какая жалость. – Он заметно повеселел. – Конечно, весь этот шум и переполох... Но, к сожалению, я так понимаю, что это не может продлиться долго.

– ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО, – уклончиво ответил Смерть. – ВПРОЧЕМ, Я УВЕРЕН, ЧТО ВАМ НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ, ЧТОБЫ Я ВЗЯЛ ЗА ОБЫКНОВЕНИЕ ОТВЕЧАТЬ ОПРЕДЕЛЕННО НА ВОПРОСЫ ИЗ ЭТОЙ ОБЛАСТИ.

– Нет-нет, конечно, нет, – поспешно уверил казначей. – Вы правы. Спасибо вам большое. Бедняга. Какая жалость. Но что мы можем сделать? Наверно, надо относиться к таким вещам по-философски.

– НАВЕРНО, НАДО.

– Не смеем вас больше задерживать, – вежливо добавил казначей.

– БЛАГОДАРИЮ ВАС.

– Всего доброго!

– ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ.

Собственно, еще до завтрака потусторонние звуки полностью прекратились. Огорчился по этому поводу один лишь библиотекарь. Ринсвинд был его другом и ассистентом, и у него всегда мог найтись в кармане лишний банан. Он также был исключительным специалистом по убеганию от неприятностей. Поймать такого человека в ловушку, считал библиотекарь, было не так-то просто. Должно быть, обстоятельства сложились необычайно неудачным образом. Такое объяснение казалось библиотекарю гораздо более вероятным.

Необыкновенно неудачное стечение обстоятельств.

Существовал в точности один шанс против миллиона, что кто-то где-то наблюдает, изучает, подбирает подходящие инструменты для особого дела.

И вдруг ему на глаза попадается Ринсвинд...

Находка для Врага.

И Ринсвинд открыл глаза. Над ним нависал потолок. Если бы это был пол, это означало бы, что он в беде.

Значит, пока все ещё не так плохо.

Ринсвинд осторожно потрогал поверхность, на которой лежал. Она была неровная – скорее всего, деревянная. То тут, то там попадались шляпки гвоздей. В целом вполне человеческая поверхность.

Слух различил треск поленьев в очаге и бульканье неизвестного происхождения.

Нос Ринсвинда, решив, что о нем незаслуженно подзабыли, поспешил доложить о запахе серы.

Допустим, и что это нам дает? Я лежу на неровном деревянном полу в комнате с очагом, где что-то булькает и издает запах серы. В полусознательном состоянии дедукция даже доставила Ринсвинду некоторое удовольствие.

Что дальше?

Ах, да!

Ринсвинд открыл рот и закричал. Потом ещё и ещё.

Он почувствовал себя немного лучше.

Ринсвинд полежал ещё немного. Из беспорядочной груды воспоминаний выплыли утра в постели в раннем детстве, когда он отчаянно делил уходящее время на все меньшие и меньшие дольки, чтобы оттянуть ужасный миг пробуждения, когда ему придется встать и снова разбираться с тяготами повседневной жизни – такими, как например вот сейчас: вопросом, кто он, где он и зачем он.

– Что ты такое? – спросил голос где-то на краю его сознания.

– Я как раз об этом думал, – пробормотал Ринсвинд.

Ринсвинд поднялся на локтях – комната начала проясняться.

– Предупреждаю тебя, – продолжил голос, доносившийся, кажется, от стола, – я защищен множеством могучих талисманов.

– Хорошо тебе, – ответил Ринсвинд. – Мне бы так.

Начали проявляться детали. Комната была длинная, с низким потолком, и в дальней ее стене помещался огромный очаг. На лавке вдоль всей длинной стены располагалась коллекция стеклянных сосудов, созданных, по всей видимости, пьяным стеклодувом, страдавшим от жестокой икоты, и в их хитроумных кольцах пузырились и переливались разноцветные жидкости. На крюке в стене висел со всеми удобствами скелет. К шесту возле него кто-то прибил гвоздем чучело птицы. Какие бы грехи она ни совершила в своей земной жизни, она не заслужила такого таксидермиста.

Ринсвинд прошелся взглядом по полу. Было ясно, что, например, метла по этому полу давно уже не проходила. Лишь вокруг Ринсвинда пространство было расчищено от осколков стекла и перевернутых реторт, чтобы...

Чтобы начертить магический круг.

Круг был начертан исключительно аккуратно. Тот, кто начертил его, четко понимал, что смысл этого круга – делить вселенную на две части: ту, которая внутри, и ту, которая снаружи.

Ринсвинд, понятное дело, находился внутри.

– Ох, – произнес Ринсвинд, ощущая, как хорошо знакомый и почти что успокаивающий ужас овладевает им.

– Я проклинаю и заклинаю тебя, о демон из преисподней, от причинения всяческого вреда! – воскликнул кто-то, как Ринсвинд теперь удостоверился, прячущийся за столом.

– Договорились, – поспешно отозвался Ринсвинд. – Я не против. Э-э, простите, а не могла ли тут некоторым образом произойти какая-то малюсенькая ошибочка?..

– Изыди!

– Я бы рад, – признался Ринсвинд и в отчаянии огляделся вокруг себя. – Но как?

– Не думай, что сможешь обречь меня на гибель своими лживыми речами, исчадие Шамгарота! – сказали из-за стола. – Я весьма сведущ в повадках демонов. Выполняй все мои повеления, не то я верну тебя в кипящий ад, из которого ты вышел. То есть, изшел. Честное слово!

Из-за стола вышел некто. Роста он был небольшого, и почти весь был скрыт всевозможными амулетами, талисманами и знаками, которые, может быть, и не защищали от магии, но защитили бы от средней ярости удара мечом. На нем были очки и шляпа с широкими полями по бокам, придававшие ему сходство с немолодым близоруким спаниелем.

В дрожащей руке человека был зажат меч. Меч был так густо изрезан рунами, что почти гнулся поперек.

– Кипящий ад, значит? – переспросил Ринсвинд с тоской.

– Совершенно верно. Где вопли, скрежет зубовой и муки всевозможных мучений...

– Да понял я, понял, – остановил Ринсвинд. – Только вот какая загвоздка: я, собственно, никакой не демон. Поэтому давайте вы меня отпустите, а?

– Твое внешнее обличье меня не обманет, демон! – воскликнул человек. И добавил: – К тому же, демоны всегда лгут. Это все знают.

– Точно? – Ринсвинд ухватился за эту соломинку. – Ну, в таком случае – я демон!

– Ага! Ты сам себя разоблачил!

– Так, с меня хватит, – сказал Ринсвинд. – Я не знаю, кто вы такой, и что здесь происходит, но я хочу пить и я попью воды, вы не против?

Ринсвинд поднял ногу, чтобы перешагнуть через круг и застыл, потрясенный: из рунических надписей вылетели искры и облепили его с ног до головы.

– И думать не моги! то есть, не можи... то есть, не можь... – заклинатель демонов махнул рукой на грамматику. – В общем, ты не выйдешь из круга, пока я тебя не выпущу, понял? Не потому, что я такой злой, но просто если я выпущу тебя из круга, ты тогда сможешь принять свое истинное обличье, а оно же у тебя, должно быть, ужасное, да? Изыди! – добавил он, почувствовав, что теряет стиль.

– Ладно, ладно, исхожу, исхожу, – уступил Ринсвинд, потирая локоть. – Но я все равно не демон.

– А чего ты тогда явился на призыв? Просто мимо проходил через сверхъестественные измерения, да?

– Наверно как-то так. Я не очень хорошо помню.

– Придумай что-нибудь получше, демон!

Заклинатель прислонил меч к подставке, на которой лежала раскрытая тяжелая книга, утыканная закладками. Затем он запрыгал на одной ножке:

– Получилось! Получилось! Ю-ху! – Тут он поймал взгляд широко раскрытых глаз Ринсвинда и взял себя в руки. Он смущенно кашлянул и подошел к подставке с книгой.

– Но я же правда никакой не... – начал было Ринсвинд.

– Где-то у меня тут был список, – пробормотал человек. – Да где же он... А, вот. Итак. Повелеваю тобой... то есть, тебе, ну да... исполнить три мои желания. Вот такие. Хочу править всеми царствами мира; хочу встретить самую прекрасную женщину из всех когда-либо живших; и хочу жить вечно.

Человек посмотрел на Ринсвинда выжидательно.

– Это все? – спросил Ринсвинд.

– Все.

– Всего-то? – саркастически хмыкнул Ринсвинд. – Значит, после обеда я свободен?

– А, и ещё я хочу сундук золота. Для начала.

– Я смотрю, вы прямо все продумали.

– Конечно. А ну, слушай и повинуйся!

– Ладно, ладно! Вот только... – Ринсвинд лихорадочно размышлял. Это какой-то псих, это ясно, но у этого психа в руке меч, и мой единственный шанс – это договариваться с ним на его условиях... – Понимаете, я в общем-то не очень могучий демон. Боюсь, такие задачи на моем уровне не решаются, вы уж меня

простите. Можете изыдуть меня, сколько угодно, но это мне попросту не по силам.

Человечек оценивающе поглядел на Ринсвинда поверх очков.

– Вот как? – протянул он. – А что тебе да по силам?

– Хм... – задумался Ринсвинд. – Например, сгонять в лавку за куревом и орешками. Это я могу.

Повисло молчание.

– Ты правда ничего этого не можешь?

– Увы. А что, если так: вы отпускаете меня, а я передаю ваши запросы кому следует, как только оказываюсь в... – тут Ринсвинд запнулся. Где там обитают эти чертовы демоны? – ... В Демонограде, – рискнул он.

– В Пандемониуме, ты хотел сказать? – грозно уточнил заклинатель.

– Ну, да, конечно. Это я и хотел сказать. И я всем там накажу: в следующий раз, когда будете в реальном мире, обязательно найдите там – как ваше имя?

– Четверх. Эрик Четверх.

– Вот именно.

– Заклинатель демонов, Псевдополис, Ракушечный проезд, строение номер два, сразу за кожевенной мастерской, – добавил Четверх с надеждой.

– Точно так. Будет сделано, не извольте волноваться. Теперь выпускайте меня, и...

Четверх снова помрачнел:

– А ты правда ничего этого не можешь? – спросил он снова, и Ринсвинд услышал в его голосе отчаяние. – Ну хотя бы маленький сундучок, мне бы хватило. И не обязательно самую прекрасную женщину всех времен и народов. Хватило бы и второго места. Даже третьего. Да хотя бы из первой сот... тысячи. Ну, хоть какую-нибудь!

На этих словах в его голосе просквозило отчаяние.

Ринсвинд хотел сказать ему: “Слушай, кончай смешивать всякую химию в темных чуланах, побрейся, постригись, прими ванну – наверно, пару раз – обзаведись приличным костюмчиком, выйди вечерком на улицу, и ты заполучишь...” Но, если быть честным, даже если его вымыть, побрить и облить одеколоном, Эрик Четверх не имел бы больших шансов на успех. “...И получишь пощечину от любой женщины, на которую упадет твой глаз.” Это, конечно, не бог весть что, но все же какой-то физический акт...

– Увы, – сказал Ринсвинд вслух.

Четверх вздохнул.

– Чайник вскипел, – сказал он. – Чашечку чая?

Ринсвинд шагнул вперед. Разряд психической энергии остановил его с

громким треском.

– Ой, прости, – спохватился Четверх, глядя на волшебника, машущего обожженными пальцами. – Вот что. Я наложу на тебя заклятие принуждения.

– Уверю вас, в этом нет никакой необхо...

– Нет, так будет лучше всего. С ним ты сможешь перемещаться. Я уже все подготовил, на случай, если ты отправишься за... ну, за ней.

– Ладно, – согласился Ринсвинд. Пока заклинатель неразборчиво читал заклинание из книги, Ринсвинд думал: ноги, дверь, лестница... какое удачное сочетание!

Что-то в облике заклинателя казалось ему странным, но что именно, он никак не мог понять. Выглядел он примерно, как все заклинатели демонов, которых Ринсвинд знал в Анк-Морпорке – все они были сутулые, в пятнах от кислот и со зрачками, сузившимися в точку от химических испарений. Этот не отличался от них ничем. Но что-то странное в нем было.

– Если честно, – говорил Четверх, энергично стирая часть дуги магического круга, – ты мой первый демон. Раньше ничего не получалось. Как твое имя?

– Ринсвинд.

Четверх покопался в памяти.

– Никогда не слышал, – сказал он наконец. – В “Демонологии” есть Рьян-свин. А ещё Вин-Вин. Но у них намного больше крыльев, чем у тебя. Можешь выходить. Должен признать, воплощение у тебя первоклассное. По виду никто бы тебя за демона не принял. Обычно демоны, когда хотят прикинуться человеком, воплощаются аристократами. Королями, князьями. Твое обличье побитого молью волшебника – это очень умно. Я сам чуть было не поверил. Такая жалость, что ты ничего не можешь.

– Никак не возьму в толк, зачем тебе жить вечно? – поинтересовался Ринсвинд, заметив себе, что за слова “побитый молью” кое-кто поплатится при первой же возможности. – Я бы ещё понял вечную юность.

– Ха! Да что хорошего в юности? – воскликнул горестно Четверх и вдруг зажал себе рот ладонью.

Ринсвинд подался вперед.

Примерно пятьдесят лет. Вот чего не хватает.

– Так! Это борода из ваты! Сколько тебе лет?

– Восемьдесят семь! – пискнул Четверх фальцетом.

– Крючки на ушах видно!

– Семьдесят восемь, честно! Изыди!

– Да ты мальчишка!

Эрик возмущенно выпрямился:

– Я не мальчик! Мне скоро четырнадцать!

– Ага!

Мальчик взмахнул мечом:

– Все равно! – воскликнул он. – Заклинать демонов можно в любом возрасте! Все равно ты мой демон, и будешь делать то, что я скажу!

– Эрик! – послышался тут голос откуда-то снизу. Эрик побледнел.

– Что, мама? – крикнул он, не сводя глаз с Ринсвинда. “Не говори ничего!” – беззвучно прошептал он.

– Что там за шум наверху?

– Ничего, мама!

– Давай мой руки и спускайся вниз! Твой завтрак на столе!

– Хорошо, мама! – Эрик виновато глянул на Ринсвинда. – Это моя мама.

– Какая зычная дама, – заметил Ринсвинд.

– Я... Мне, в общем, надо идти. А ты, понятно, останешься здесь. – Тут он почувствовал, что несколько теряет вес. Он ещё раз взмахнул мечом: – Слушай и повинуйся! Повелеваю тебе не покидать эту комнату!

– Ладно. Допустим, – согласился Ринсвинд, оглядывая оконную раму.

– Обещаешь? Иначе будешь низвергнут обратно в преисподнюю!

– А вот этого не надо, – ответил Ринсвинд. – Иди, завтракай. Обо мне не беспокойся.

– Меч и все остальное мне придется оставить здесь, – добавил Эрик. Под его нарядом обнаружился тощий темноволосый подросток с лицом, которое выглядело бы намного симпатичнее без угрей. – Если ты что-нибудь тронешь, случится ужасное.

– И в мыслях не имел, – ответил Ринсвинд.

Оставшись наедине, он подошел к подставке и поглядел на книгу. На обложке красивыми красными буквами, похожими на языки пламени, было выписано: “Mallificarum Sumpta Diabolicite Ocularis Singularum, Книга Полного Овладения”.⁷ Он слышал об этой книге. Где-то в университетской библиотеке хранился ее экземпляр, хотя волшебники навряд ли удосужились хоть раз в нее заглянуть.

Это может показаться удивительным – ведь если есть что-то, ради чего волшебник продаст душу своего дедушки, то это возможность овладевать и руководить. Но ничего странного в этом нет. Любому волшебнику, наделенному

---

⁷ Внимательный читатель не мог не заметить, что заглавные буквы названия этого мануала, которое можно с некоторым усилием перевести как “Зловредный водитель мелкого одноглазого беса”, образуют хорошо знакомую всем волшебникам новейшей древности аббревиатуру MS-DOS. (Прим. перев.)

достаточным рассудком, чтобы продержаться в должности хотя бы пять минут, хватит ума понять, что если демонология и дает власть, то это – власть над демонами. Использовать ее для своих нужд это все равно, что пытаться бить мышей гремучей змеей.

И даже волшебники считали заклинателей демонов ненормальными. Скользкие, бледные люди, копающиеся в боги весть какой ерунде в комнатах без окон, рукопожатия у которых всегда вялые, а ладони потные. То ли дело старая добрая надежная магия. Уважающий себя волшебник ни за что не позволит себе забираться в демонические области, обитатели которых чокаются чаще, чем в самой большой пивной в самый большой праздник.

Ринсвинд внимательно осмотрел скелет – на всякий случай. Скелет по-видимому не собирался вмешиваться в происходящее.

– Это скелет его этого, как его. Дедушки, – произнес хриплый голос откуда-то сзади.

– Экая престранная эстафета поколений, – отозвался Ринсвинд.

– А он не знает. Он его купил в какой-то лавке. Это просто это, как его, учебное как его.

– Пока что не очень объясняет, – заметил Ринсвинд, а потом подумал и умолк. – Простите, – спросил Ринсвинд, не оборачиваясь, – а с кем я, собственно, разговариваю?

– Я – этот, как его. Вертится на языке. На “п”.

Ринсвинд медленно обернулся.

– Попугай? – предположил он.

– В точку.

Ринсвинд глядел на птицу на жердочке. Единственный глаз ее сверкал, как рубин. Все остальное было обтянуто розовой и сиреневой кожей, утыканной обломками перьев и походило в целом на старую щетку для обуви, давно созревшую для мусорного ведра. Птица подагрически дернулась на жердочке, потеряла равновесие и, покачавшись, повисла вниз головой.

– А я тебя за чучело принял, – признался Ринсвинд.

– Сам ты чучело.

Ринсвинд пропустил это мимо ушей и подобрался к окну. Окно было узкое, но выходило на вполне пологую крышу. За окном была жизнь – настоящее небо, настоящие дома. Ринсвинд потянулся раскрыть окно...

Трескучий разряд пронзил его руку и впился в мозжечок. Ринсвинд очутился на полу, снова размахивая пальцами.

– Он же тебе сказал, – напомнил попугай, раскачиваясь взад-вперед вниз головой. – А ты не это, как его. Он же наложил на тебя это, как его.

– Оно же должно действовать только на демонов!

– Ну да, – подтвердил попугай, раскачавшись достаточно, чтобы подняться над жердочкой, где он удержался при помощи культияпок, которые когда-то были крыльями. – Все взаимосвязано, вот как. Если ты заходишь в дверь с надписью “этот, как его”, то и обращаться с тобой будут, как с этим, как его, правильно? Как с демоном, я хотел сказать. Со всеми вытекающими и этими, как их. Попал ты, дядя!

– Но ты-то понимаешь, что я волшебник? Или нет?

Попугай хрипло каркнул.

– Видал я вашего брата! Настоящих Мак-как их. Тут такие бывали – ты бы просом подавился. Огромные, чешуйчатые, огненные эти, как их. После них неделю сажу со стен оттирали, – добавил он не без гордости. – Это, конечно, все при его дедушке было. Сам-то парень в этом деле никуда не годился. Ну, до сих пор, в смысле. Хотя парень способный. Это все эти, как их – родители. Нувориши, знаешь таких? Вином торгуют. Испортили парня. Разрешают ему играть в эти, как их, игрушки. “Такой умненький, все время с книжкой!” – передразнил попугай. – Не получил он того, что нужно молодому растущему этому, как его – такое мое мнение.

– Ты хотел сказать, безусловной любви и принятия? – помог Ринсвинд.

– Я хотел сказать, хорошей этой, как ее, порки! – ответил попугай.

Ринсвинд обхватил голову, в которой ныло и стреляло. Если это то, с чем приходится иметь дело демонам, то неудивительно, что они такие злые.

– Попка-дурак, – произнес попугай мимоходом, как человек произнес бы “э-э” или “ну, так вот”, и продолжал: – Дед-то его в этом хорошо разбирался. В этом и в голубях своих.

– Голубях? – переспросил Ринсвинд.

– Хотя не то, чтобы он сильно преуспел. Так, методом этого, как его. Тыка.

– А вроде ты рассказывал про огромных чешуйчатых...

– Ну, да. Но хотел-то он не этого. Он пытался вызвать суккуба. – Скабрзная ухмылка в принципе невозможна, если все, что у тебя есть – это клюв, но попугаю это удалось. – Это демон женского пола, который является по ночам и занимается страстным этим, как е...

– Я про них читал, – вставил Ринсвинд. – Чертовски опасные твари.

Попугай склонил голову на бок.

– Ничего у него так и не вышло. Кроме альдгеймера, ничего он не добился.

– А это что такое?

– Такой демон, который является и лишает тебя памяти.

Демоны существуют на Плоском мире по меньшей мере так же давно, как и

боги, на которых они во многом похожи. Разница между ними в общем-то такая же, как между террористами и борцами за свободу.

Почти все демоны пребывают в просторном измерении неподалеку от реальности, которое по традиции украшено пламенем, и в котором поддерживается температура жаровни. Это ни для чего не нужно, но если что-то можно с уверенностью сказать о демонах, так это то, что они верны традициям.

В самом центре ада, величественно вздымаясь над озером искусственной лавы и открывая прекрасный вид на все Восемь Кругов, раскинулся город Пандемониум.⁸ В данный момент он вполне оправдывал свое название.

Астфгль, новый царь демонов, был в ярости. И не только потому, что снова сломался кондиционер; не потому, что его со всех сторон окружали кретины и интриганы; даже не потому, что никто не мог правильно произнести его имя – а потому, что получил дурные известия. Демон, которому по жребию выпало доставить эти известия, топтался перед царским тронном, поджав хвост между ног. Он бессмертным страхом боялся, что с ним вот-вот стряется что-то прекрасное.⁹

– Что с ним случилось? – переспросил Астфгль.

– Он открылся, о владыка. Круг в Псевдополисе.

– Вот как? Толковый мальчик. Мы возлагаем на него большие надежды.

– Да... но потом он снова закрылся, владыка!

Демон зажмурился.

– А кто в него прошел?

– Э-э-э... – Демон оглянулся на своих коллег, жавшихся в дальнем конце километрового тронного зала.

– Я спрашиваю, кто в него прошел?

– Повелитель, я должен сообщить...

---

⁸ Демоны и ад, в котором они проживают, это совсем не то же самое, что Подпольные Измерения – параллельные бесконечные пустоты, лежащие вне времени и пространства. Тоскливые и безумные обитатели Подпольных Измерений ничего не понимают в нашем мире; они лишь жаждут света и формы, силясь согреться кострами реальности, вокруг которых они толпятся – как океан, пытающийся согреться у маленькой свечки, и с тем же результатом, если им вдруг удастся прорваться сюда. Демоны же принадлежат практически к тому же самому пространственно-временному этому, как его, что и люди; они питают к человечеству и всем его делам серьезный и практический интерес.

Любопытно, что боги Плоского Мира никогда не брали на себя труд судить души людей, поэтому в ад попадает лишь тот, кто считает, что заслуживает этого – что совершенно исключено, если человек вовсе не подозревает о существовании ада. Вот почему так важно убивать каждого миссионера при встрече.

⁹ У демонов извращенная система ценностей.

– Слушаю!

– ... что мы не знаем, кто. Кто-то неизвестный.

– Та-ак. А ведь я приказывал – приказывал ведь? – что когда мальчик сможет открыть круг, перед ним должен воплотиться князь Вассенего и предложить ему все запретные наслаждения и темные соблазны, чтобы подчинить его Нашей воле. Приказывал или нет? – прорычал царь.

Беда с силами тьмы, как был вынужден признать Астфгль, состоит в том, что демоны не сильны в нестандартном мышлении. Они крайне нуждаются в искорке человеческой изобретательности. Астфгль очень рассчитывал на Эрика Четверха и его поистине восхитительную супер-интеллектуальную безмозглость. Ему очень нужны были такие ослепительно яркие и самовлюбленные люди, как Эрик. До зловредности таких людей демонам было ещё расти и расти.

– Воистину, о повелитель, – согласился демон. – Князь ждал его зова долгие годы, отвергая все прочие искушения, прилежно и упорно изучая мир людей...

– Ну, и где же он был, когда открылся круг?

– Э-э-э... Зов сверхъестества, о повелитель, – выдавил демон. – Отлучился всего на пару минут, и...

– И кто-то проскочил вместо него?

– Мы уже разбираемся, кто это мог быть...

Здесь терпение лорда Астфгля, которое и в обычное время стойкостью напоминало желе, лопнуло. Его подданные принадлежали к той породе существ, которые говорят “разбираемся” вместо “устраняем”. Вечное проклятие было слишком мягкой мерой для них.

– Вон, – прошипел он. – И я лично позабочусь, чтобы тебе вынесли благодарность за это...

– Повелитель, умоляю вас!..

– Вон!

Царь Тьмы зашагал по сумрачным коридорам в свои личные апартаменты.

Его предшественникам нравились косматые ноги с копытами. Лорд Астфгль решительно отверг эту линию. Снобы, окопавшиеся в Дунманифестине, никогда не будут относиться с уважением к тому, чьи конечности напоминают о рогатом скоте, был уверен он. Поэтому для себя он выбрал алый шелковый плащ, пурпурное трико, шапочку с двумя весьма замысловатыми рогами и трезубец. У трезубца то и дело отваливался зубец, но в целом, считал лорд Астфгль, в таком виде царь демонов вызывал уважение.

В прохладе своих покоев – о боги! то есть, о не боги! целую вечность заняло внедрить стандарты мало-мальски цивилизованной жизни, все его предшественники довольствовались лишь тем, что таились во мраке и искушали людей, а о выгорании на работе они и слыхом не слыхали – Астфгль отточенным жестом сдернул

покрывало с Зеркала Душ, и оно постепенно засветилось и ожило.

Холодная черная его поверхность была обрамлена искусной резной рамой, из которой непрестанно выползали, извиваясь, клубы густого дыма.

– Что угодно, хозяин? – спросило зеркало.

– Ворота Псевдополиса за последний час, будьте добры, – приказал царь и уселся поудобнее.

Через некоторое время он поднялся и поискал имя “Ринсвинд” в картотеке, которую недавно повелел установить вместо гигантского шкафа с древними огромными книгами в мрачных переплетах. Систему, правда, предстояло перебрать, потому что бестолочи-демоны все карточки с информацией о людях сложили под литерой “Л”.

После этого он посидел, глядя на сменяющие друг друга картинки и машинально играясь с предметами на своем рабочем столе, чтобы успокоить нервы.

Предметов на его рабочем столе было предостаточно: отрывные блокнотики на магнитах, удобные стаканчики для карандашей и ручек, маленькие записные книжечки, которые приятно всегда иметь под рукой, невероятно забавные статуэтки с надписями “Ты – босс!”, хромированные шарики и спиральки, качающиеся и изображающие вечное движение. Всякий, кто посмотрел бы на этот стол, немедленно выразил бы желание, чтобы его со всеми потрохами побрал черт.

– Вот, значит, как... – промолвил лорд Астфгль, запуская когтем раскачиваться, ударяя друг по другу, блестящие шарики .

Ему не вспоминался ни один демон по имени Ринсвинд. С другой стороны, на его попечении состоят легионы этих убожеств, не обладающих ни малейшим представлением о дисциплине, а он до сих пор так и не нашел времени провести надлежащую инвентаризацию, чтобы уволить весь неэффективный балласт. У этого, похоже, конечностей было сильно меньше, а гласных в имени намного больше, чем у большинства его кадров...

Вассенего – напыщенный старый осел, один из старших демонов, вечно ухмыляется, подчиняется только для виду и презирает своего царя – только потому, что царь много тысячелетий трудился, чтобы с теми скромными исходными данными, с которыми он начал свой путь, достичь того положения, которое он достиг сейчас. Этот старый черт мог оступиться и нарочно, просто назло ему.

Что ж, с ним мы разберемся позже. Потребуем объяснительную, например. Сейчас уже поздно. Сейчас ему придется заняться этим делом самолично. Эрик Четверх – слишком жирный кусок, чтобы упустить его. С такими кадрами, как Эрик Четверх, можно серьезно утереть нос богам.

Боги, как же он ненавидел этих богов! Богов он ненавидел даже больше, чем старую гвардию, вроде Вассенего – даже больше, чем людей. На прошлой неделе он устроил банкет. Вложил в него, всё продумал. Хотел показать, что он готов забыть прошлые обиды, готов вместе с ними прокладывать путь к новой, лучшей, более эффективной вселенной. Он назвал этот банкет “Будем знакомы!” Там были сосиски

на шампурах. Да всё, всё, что положено, там было! Из кожи вон вылез, чтобы всё выглядело красиво и представительно. И никто из этих зазнаек даже не ответил на приглашения! А ведь он нарочно на каждом написал: RSVP¹⁰!

– Эй, демон! – Эрик заглянул в дверь. – Ты в каком виде?

– Довольно жалком, – ответил Ринсвинд.

– Я принес тебе еды. Ты ведь питаешься – или нет?

Ринсвинд присмотрелся. В миске были овсяные хлопья, орехи и сухофрукты. Против такой пищи ему нечего было возразить. Но в процессе готовки с этими вполне невинными продуктами случилось то, что гравитация делает с нейтронной звездой. Если эта еда убьет его, его даже не придется хоронить – достаточно будет сильно бросить его где-нибудь, где земля окажется помягче.

Ринсвинд проглотил ложку-другую. В этом трудности не было. Фокус был в том, чтобы не дать пище выскочить обратно.

– Вкусно, – выдавил он. Попугай весьма похоже изобразил, как кого-то тошнит.

– Я решил тебя отпустить, – заявил Эрик. – Держать тебя дальше нет никакого смысла, ведь так?

– Никакого.

– Ты ведь ничего не можешь?

– Прости. Я неудачник.

– Ты и выглядишь как-то совсем не демонически, – заметил Эрик.

– Все они так. Никогда не верь этим, как их, – каркнул попугай. Он снова потерял равновесие. – Попка-дурак, – добавил он, вися вниз головой.

– А ты не суй свой клюв не в свое дело! – обернулся Ринсвинд.

Тут за их спинами раздался гром, как будто вселенная прокашлялась. Начерченная мелом линия магического круга на мгновение вспыхнула огнем, что-то выпало из пустоты и грохнулось на пол.

Это был большой окованный железом сундук. Упал он на выпуклую крышку. Он принялся яростно качаться на крышке, а потом выпустил сотни маленьких розовых ножек и не без труда перевернулся крышкой вверх. Затем он развернулся и уставился на Эрика и Ринсвинда. Это обескураживало тем более, что никаких глаз, которыми можно было бы это делать, у сундука не наблюдалось.

Эрик опомнился первым. Он схватил свой самодельный магический меч и замахал им. Меч изгибался, как бумажный.

---

¹⁰ RSVP – “répondez s’il vous plaît”, “пожалуйста, ответьте”, собираетесь ли вы явиться на приглашение или нет, стандартная формула в деловой переписке. (Прим. перев.)

– Демон! Ты демон! – воскликнул он. – А я чуть было тебе не поверил, что ты нет!

– Хе-хе! – хмыкнул попугай.

– Это всего лишь мой сундук, – ответил Ринсвинд упавшим голосом. – Он... ну, он просто всегда следует за мной. Ничего демонического в этом нет. Ну, разве что совсем чуть-чуть, – добавил он, подумав.

– Слушай и повинуйся!

– Что, опять?..

Мальчик раскрыл книгу:

– Все мои запросы остаются в силе, – твердо сказал он. – Самая прекрасная женщина всех времен, власть над всеми царствами мира и жить вечно. Приступай.

Ринсвинд не двинулся с места.

– Давай-давай, – поторопил Эрик. – Исчезай в клубе дыма.

– Слушай, ну, ты что, правда думаешь, что я могу вот так щелкнуть пальцами, и...

Ринсвинд щелкнул пальцами.

Клуб дыма заполнил комнату.

Ринсвинд потрясенно разглядывал свои пальцы, как хозяин разглядывал бы ружье, которое десятки лет висело на стене и вдруг выстрелило и убило кота.

– Первый раз такое с ними, – вымолвил он.

Затем он глянул вниз.

– А-а-а-а! – добавил он и зажмурился.

С закрытыми глазами мир выглядел чуть лучше. Потопаив ногой, Ринсвинд мог убедить себя, что стоит на полу. Он мог внушить себе, что на самом деле он стоит посреди комнаты, а сообщения от всех остальных органов чувств, уверявшие его, что он висит в воздухе в доброй сотне миль над Диском – это не более, чем кошмарный сон, от которого он вот-вот проснется. Нет! – Ринсвинд поспешно отогнал эту мысль. Если он спит и видит сон – лучше оставаться во сне. Во сне можно летать. Проснувшись, останется только падать, и падать придется очень долго.

А может быть, я умер и вправду стал демоном? – подумал Ринсвинд. Интересная мысль.

Ринсвинд снова открыл глаза.

– Ух ты! – выдохнул Эрик. Глаза его сияли от восторга. – И это все мое?

Мальчик стоял перед ним в той же позе, в какой только что стоял в комнате.

Тут же был и Сундук. Тут же, к неудовольствию Ринсвинда, был и попугай. Он сидел на невидимой жердочке и с интересом оглядывал космический пейзаж под собой.

Диск прекрасно смотрелся из космоса. Может быть, для этого он и был создан, а вовсе не для того – и в этом Ринсвинд был совершенно уверен – чтобы на нем жить. Но смотрелся он, не мог не признать Ринсвинд, великолепно.

Солнце вот-вот должно было подняться над дальней стороной обода, и огненная линия охватывала обод, быстро расходясь по краям. Долгий и неторопливый рассвет начинал свой путь через гигантскую темную окружность.

Внизу, яркий и резкий во мраке космической пустоты, Великий А-Туин, черепаха мира, нес на себе всю тяжесть мира. На его – или ее, этот вопрос до сих пор не был решен – панцире четыре исполинских слона держали на своих могучих спинах сам Диск.

Можно, наверно, создать мир и более эффективным способом. Можно начать с расплавленного железного шара и постепенно окутывать его одним за другим слоями минералов – как старинную конфету. У вас получится очень экономичная планета, но она не будет выглядеть так эффектно. Да и потом – все же будет падать с нижней ее стороны.

– Впечатляет, – заметил попугай. – Диск хор-роший, хор-роший!

– Какой он огромный! – прошептал Эрик.

– Крупный, – согласился Ринсвинд. Он почувствовал, что надо что-то добавить, и сказал: – Ты береги его.

Его терзало смутное сомнение. Даже если предположить – предположить! – что он демон, а за последнее время с ним случилось столько разных вещей, что он готов был согласиться, что он мог умереть и в суе не заметить этого¹¹ – все равно не понятно, на каком основании он может подарить кому-то весь мир. Ринсвинда не покидала мысль, что у мира наверняка есть законные владельцы, которые могут с этим не согласиться – и будут по-своему правы.

К тому же, он был уверен, что демон должен потребовать какую-то квитанцию.

– По-моему, – сказал он, – ты должен дать расписку. Кровью.

– Чьей? – спросил Эрик.

– Своей, мне кажется, – ответил Ринсвинд. – Хотя и птичья, наверно, сгодится, – добавил он, со значением поглядев на попугая. Попугай недовольно заворчал.

– А разве я не должен сначала его проверить?

– Как это?

---

¹¹ Ринсвинд слышал от кого-то, что умереть – это все равно что выйти в соседнюю комнату. Только в этом случае на вопрос “Слушай, а где мои носки?” никто не ответит.

– Ну, вдруг он не работает? Я ничего не буду подписывать, пока не увижу, что он работает.

Ринсвинд оглядел мальчика долгим взглядом. Потом снова опустил глаза на величественную панораму всех царств мира. Интересно, я в его возрасте тоже был такой? – подумал Ринсвинд. – Как же я выжил-то?

– Слушай, ну, это же наш мир, – ответил он со всем терпением. – Ясно, что он работает. Да вот сам посмотри. Ураганы, дрейф континентальных плит, кругообращение воды – все на месте. Все работает, как часы. Да он тебя переживет, такой мир. При должном уходе.

Эрик подверг мир придирчивому осмотру. На лице его было выражение человека, который точно знает, что все хорошие вещи в этой жизни требуют какой-нибудь не включенной в комплект психической батарейки типа 1-КС-У-3¹², а магазины откроются только после праздников.

– А где почести? – спросил Эрик строго.

– По сколько? – не понял Ринсвинд.

– Почести, – пояснил Эрик. – Все цари мира должны поклониться мне и воздать почести.

– Я смотрю, ты сделал домашнее задание. Так что, просто поклониться? – переспросил Ринсвинд саркастически. – Может быть, тебе ещё луну с неба, пока мы все равно здесь торчим? Особое предложение, только до конца недели: овладеваешь миром – спутник в подарок!

– Там есть редкоземельные элементы?

– Что там есть?

– Редкоземельные элементы, – повторил Эрик со вздохом. – Иттербий, ниобий...

Ринсвинд покраснел:

– Юноша! При всем сочувствии к вашему возрасту, можно иногда все-таки думать о чем-нибудь, кроме...

– Это такие металлы. Редкие. Ценные. Зачем мне огромная летающая глыба простого камня?

Ринсвинд посмотрел вниз. Маленькая луна Плоского мира как раз вышла из-за обода и пролила серебряный свет на темные земли и блестящие воды.

– Ну, не знаю, В конце концов, это просто красиво. Слушай, уже поздно. Может быть, можно перенести почести на завтра?

– Хочу почестей сейчас! Можно не все сразу.

---

¹² Дотошный читатель может сам убедиться, что этот тип эквивалентен типу U2, который значится в оригинале. Только U2 вышел из употребления в Британии в начале 1970-х, а советский аналог поменял номенклатуру десятью годами раньше. (прим. перев.)

– Ну, что ж. Желание заказчика...

Ринсвинд поднес к глазам свои пальцы. Прежде ему и щелкнуть-то ими как следует не очень удавалось.

Он попробовал повторить.

Открыв глаза, он обнаружил себя по щиколотку в грязи.

Самым главным талантом Ринсвинда была способность убежать. С годами он разработал и теоретическую основу этого дела. Не важно, бежишь ли ты от чего-то или к чему-то – важно бежать. Только бегство имеет значение. Я бегу, следовательно, я существую. Точнее: я бегу, следовательно, если повезет, я просуществую ещё немного.

Но Ринсвинд обладал также недюжинными способностями к языкам и ориентированию на местности. Он умел кричать “помогите!” на четырнадцати языках и просить пощады на ещё дюжине. Он повидал многих страны – некоторые, правда, совсем мельком – а милые долгие часы скучной работы в библиотеке он скрашивал чтением книг про далекие экзотические места, в которых никогда не бывал, с облегчением думая, что никогда, боги дадут, в них и не побывает.

Сейчас он все-таки оказался в одном из них.

Его окружали джунгли. Это были не те симпатичные и увлекательные джунгли, через которые мог пробираться какой-нибудь герой в леопардовой шкуре, а суровые настоящие джунгли, высящиеся к небу, как монолиты зелени, полные колючек и шипов; джунгли, в которых каждый представитель растительного царства, засучив кору на ветвях, занимался нелегким делом выживания – своих конкурентов со света. Почвы как таковой почти что не было – под ногами превращались в компост мертвые растения. Капли воды стекали с листа на лист. В сыром и насыщенном спорами воздухе гудели насекомые и стояла жуткая бездыханная тишина, создаваемая машинами фотосинтеза, запущенными на полную мощность. Какой-нибудь тарзан, пожелавший прорубиться через это, мог бы с тем же успехом поменять мачете на картофелечистку.

– Как ты это делаешь? – спросил Эрик.

– Должно быть, талант, – предположил Ринсвинд.

Эрик подверг чудеса природы беглому анализу и остался недоволен.

– Что-то непохоже на царство, – пожаловался он. – Ты обещал царство. Это что, по-твоему, царство?

– По-моему, мы в тропической сельве Хватча, – ответил Ринсвинд. – Тут затерянных царств – как собак нерезаных.

– Это ты про таинственное древнее племя принцесс-амазонок, которые подвергают своих пленников диким изнурительным обрядам для продолжения своего рода? – выдохнул Эрик. Его очки покрылись испариной.

– Ха-ха, – мрачно отозвался Ринсвинд. – Какое причудливое воображение у этого ребенка.

– Эти, как их! Эти, как их! Эти, как их! – прокаркал попугай.

– Я про них читал, – настаивал Эрик, вглядываясь в зелень. – Разумеется, эти царства теперь тоже принадлежат мне. Ух ты! – у него перехватило дух.

– На твоём месте я бы больше думал о почестях, – заметил Ринсвинд, выходя на что-то, что могло оказаться тропинкой.

Яркие разноцветные цветы на дереве проводили его жадным взглядом.

В джунглях центрального Хватча действительно есть королевства таинственных принцесс-амазонок, которые действительно берут в плен путешественников для исполнения мужских обязанностей. Обязанности эти суровы, в самом деле изнурительны, и несчастные жертвы не живут долго.¹³

Там есть также никому неведомые горные долины, в которых резвятся и играют чудовищные рептилии прошедших эпох, кладбища слонов, заброшенные алмазные рудники и забытые развалины, покрытые загадочными рисунками, от одного вида которых кровь стынет в жилах у самых храбрых исследователей. Не совсем понятно, как там ещё остается место для деревьев.

Немногочисленные путешественники по этим краям оставили несколько полезных советов тем, кто пойдет по их следам, как например: 1) по возможности держаться подальше от свисающих лиан с глазами и раздвоенным языком на одном конце; 2) не дергать за черно-желтую лиану, лежащую поперек тропы, потому что другой ее конец может оказаться тигром, и, наконец 3) нечего там вообще путешествовать.

Если я демон, – пытался размышлять Ринсвинд на ходу, – то почему все пытается укусить меня или поймать за ногу? Ведь меня можно убить только осиновым колом в сердце. Или это должен быть чеснок?

Через некоторое время джунгли расступились, и взору путников явилась широкая расчищенная долина, уходящая к горизонту, на котором синела гряда вулканов. Местность опускалась к их подножию, превращаясь в лабиринт озер, проток и болот, посреди которого там и сям высились огромные ступенчатые пирамиды, каждую из которых венчала тонкая струйка дыма, извивающаяся в рассветном небе. Лесная тропинка превратилась в узкую, но мощеную камнем дорогу.

– Демон, где мы? – поинтересовался Эрик.

– Похоже на одно из королевств племен чумайя, – ответил Ринсвинд. – Здесь, кажется, правит Чи-Чучума.

– Принцесса-амазонка, да?

---

¹³ Ведь забивание гвоздей, вынос мусорного ведра и общение с соседями по поводу шума поздно ночью могут подорвать самый крепкий мужской организм.

– Как ни странно, нет. Эрик, ты себе не представляешь, как много на свете королевств, которыми не правят принцессы-амазонки.

– Какие-то они вообще примитивные. Каменный век какой-то.

– Ну, что ты! Жрецы чумайя разработали очень точный календарь и самостоятельно изобрели многочлен.

– О! – задохнулся Эрик. – Ничего себе!

– Спокойно, – терпеливо пояснил Ринсвинд, – это такое понятие в алгебре.

– А-а... Подумаешь...

– Зря ты с ними так. Они очень сильны в математике.

– Да ладно, – отмахнулся Эрик. – Что им тут считать-то, в такой отсталой цивилизации?

Ринсвинд оглядел колесницы, спешащие им навстречу.

– Кажется, лучше всего они считают жертвы, – ответил он.

Империя чумайя в джунглях долин Центрального Хватча славилась своими фруктовыми садами и рынками, искусностью в выделке обсидиана, перьями и драгоценными камнями, а также массовыми человеческими жертвоприношениями во славу Кетцальколготля, Чуда в Перьях, бога массовых человеческих жертвоприношений. У Кетцальколготля, говаривали они, всяк на своем месте. Место это обыкновенно было в толпе людей на верхней площадке гигантской ступенчатой пирамиды, где некто в красивом головном уборе из перьев пробовал пальцем искусно выделанный обсидиановый нож, прежде чем доставить тебе незабываемое впечатление.

Среди соседей чумайя пользовались славой самых убийственно мрачных, угрюмых и вспыльчивых людей, каких только можно было встретить на свете – по причинам, которые станут ясны в скором будущем. Насчет календаря и математики – это тоже все было верно. Чумайя давным-давно осознали, что все в мире развивается от лучшего к худшему и, будучи невероятными педантами, разработали сложнейшую систему подсчета, насколько именно завтрашний день будет хуже сегодняшнего.

Вопреки распространенному мнению, чумайя изобрели-таки колесо. Но они имели крайне оригинальные представления о том, для чего и как его следует применять.

Ринсвинд впервые в жизни видел колесницу, запряженную ламами. Но самое удивительное в ней было не это. Куда более удивительным было то, что колесницу несли люди – два человека держали концы каждой оси и бежали вслед за животными, шаркая сандалиями по гладким камням.

– Там у них почести, да? – спросил Эрик.

В передней колеснице, помимо возничего, находился лишь низкорослый и толстый кубический человек в костюме из шкуры пумы и головном уборе с перьями.

Носильщики, тяжело дыша, остановились, и Ринсвинд заметил, что у каждого здесь к поясу прицеплено то, что можно назвать примитивным мечом – дубинка, в которую воткнуты острые пластинки обсидиана. Ринсвинду они показались ничуть не менее смертоносными, чем утонченные и в высшей степени цивилизованные мечи. Нет, эти выглядели даже страшнее.

– Ну? – окликнул Эрик.

– Что “ну”? – не понял Ринсвинд.

– Скажи ему – пусть воздаст почести.

Толстяк выкарабкался из колесницы, прошествовал к Эрику и вдруг, к полному изумлению Ринсвинда, распростерся на земле.

Острые когти пробежали по спине Ринсвинда, поднялись на плечо, и голос, похожий на скрежет ржавого железа, произнес:

– Вот, так-то лучше. Гораздо это, как его. Удобнее. Короче, демон – попробуешь сбить меня отсюда – спрашиваешь со своим этим, как его. Ухом. Но какое эпическое явление, а? Похоже, они его тут ждали!

– А почему ты все время повторяешь “этот, как его”? – спросил Ринсвинд..

– Ограниченный этот, как его. Ну. Такая штука. Ты должен знать. Где слова. – ответил попугай.

– Словарный запас? – подсказал Ринсвинд.

Пассажиры остальных колесниц тоже вышли из них и распростерлись ниц.

Попугай помолчал.

– Хм, ну, допустим, – сказал он. – Ладно, рули хвостом теперь ты. Я поначалу принял тебя за этого, как его, но ты, похоже, умеешь это, как его.

– Демон, – позвал его Эрик срывающимся от волнения голосом.

– Что?

– Что они говорят? Ты знаешь их язык?

– Ну, нет, – признал Ринсвинд. – Но я умею его читать, – торопливо добавил он, увидев, что Эрик разочарованно отворачивается. – Если бы ты им как-нибудь дал понять, чтобы они все это написали...

Солнце двигалось к зениту. В джунглях за спиной Ринсвинда ревели и ухали какие-то существа. Над его головой кружились москиты величиной с колибри.

– Ну, конечно, – вздохнул Ринсвинд в десятый раз. – Бумагу же они так и не изобрели!

Каменетес выпрямился, передал помощнику последний затупившийся обсидиановый резец и выжидательно поглядел на Ринсвинда.

Ринсвинд подошел и внимательно изучил каменную плиту.

– Да, очень хорошо, – сказал он. – В смысле, очень хороший образец. Со скидкой на почерк и личные особенности писца. Конечно, без лишних подробностей, но в целом очень хороший образец. Вот тут и колесница, а вот тут ступенчатые пирамиды. Да, пожалуй... В общем, похоже, они хотят, чтобы ты отправился с ними в их город, – перевел он Эрику.

– Скажи им, что я согласен, – скомандовал Эрик.

Ринсвинд повернулся к главному:

– Мы согласны, – сказал он.

"¿[Сгорбленный человек в трех шапках из перьев и под ним три точки]?"

Ринсвинд вздохнул. Каменотес молча взял в свои натруженные руки новый резец и присел над следующей гранитной плитой.

Одна из главных трудностей в жизни чумайя – помимо Кетцальколготля в качестве верховного божества – состояла в том, что если вы хотели написать себе памятку завтра купить молока, начинать писать ее нужно было месяц назад. Чумайя – единственная империя на свете, в которой самоубийц хоронят под их собственными предсмертными записками.

Солнце клонилось к закату, когда колесница, покачиваясь, вошла в выстроенный из массивных каменных глыб город вокруг самой большой пирамиды между рядами приветственно вопящих чумайя.

– Вот это другое дело, – заметил Эрик, благосклонно принимая приветствия. – Они так рады нам.

– Ага, – мрачно согласился Ринсвинд. – Интересно, почему?

– Как почему? Потому что я их новый правитель, вот почему.

– Н-да? – Ринсвинд скосил глаза на попугая, который давно уже подозрительно затих и пытался спрятаться за его ухо, как старая дева в стрип-клубе. Попугая очень тревожили головные уборы из перьев.

– Грязные эти, как их, – прокаркал он. – Пусть только какой-нибудь этот, как его, потянется ко мне – мигом не досчитается этого, как его. Пальца. Слово даю.

– Есть в этом что-то странное, – промолвил Ринсвинд.

– А что такое?

– Да все.

– Мамой клянусь, одно только перышко, и...

Ринсвинд не привык, чтобы ему радовались. Это было противоестественно и не предвещало ничего хорошего. Эти же не просто радовались – они бросали в воздух цветы и шляпы. Шляпы были каменные, но идею можно было понять.

Ринсвинд подумал, что это какие-то странные шляпы. У них не было тульи. Это были просто диски с дырой посередине.

Процессия продвигалась по широким улицам города к зданиям у подножья пирамиды, где ее ожидала ещё одна группа важных сановников.

Эти несли на себе много богатых украшений. Все украшения были примерно той же конструкции. Диск с дыркой посередине можно использовать многими способами, и чумайя не упустили ни одного.

Но кроме того, перед собой они выставили бессчетные ящики с сокровищами. Ящики были набиты драгоценными камнями. Глаза у Эрика широко раскрылись от восторга.

– Почести! – прошептал он.

Ринсвинд мысленно махнул рукой. Это работало. Он не понимал, как, но все шло, как надо. Заходящее солнце сверкало на десятках состояний. Все это, конечно, принадлежит Эрику, но может быть, тут и ему что-то достанется...

– Ну да, – промолвил Ринсвинд. – А ты чего ждал?

Затем был пир и длинные речи, которых Ринсвинд не понимал, и которые то и дело прерывались ликующими возгласами, кивками и поклонами Эрику. А затем был длинный концерт чумайанской музыки, звучавшей, как если бы кто-то прочищал исключительно забитый нос.

Ринсвинд оставил Эрика на его троне в свете факелов и понуро побрел в сторону пирамиды.

– А мне как раз понравился этот, как его, – с упреком сказал попугай.

– Неспокойно мне, – ответил Ринсвинд. – Прости, просто со мной такого ещё не случалось. Драгоценности и всё вот это. Всё идет как по маслу. Что-то здесь не так.

Ринсвинд глядел на чудовищный фасад круто уходящей вверх пирамиды в красных отблесках от факелов и костров. На каждом из складывающих ее каменных блоков были высечены чумайя, поступающие со своими врагами самыми остроумными способами. В целом декор оставлял впечатление, что чумайя, несмотря на все положительные качества, которыми они несомненно наделены, не имеют привычки радушно встречать чужеземцев и осыпать их драгоценностями. С точки зрения художественной формы барельефы были великолепны, но содержание картин приводило в ужас.

Пробираясь вдоль стены, Ринсвинд обнаружил большой дверной проем с превосходным изображением группы пленников, проходящих, по всей видимости,

полное медицинское обследование.¹⁴

Проём вел в короткий коридор, освещенный факелами. Ринсвинд сделал несколько шагов внутрь, уговаривая себя, что всегда сможет выскочить отсюда, и оказался в просторном зале, занимающем почти всю внутренность пирамиды.

Здесь факелов было ещё больше, и они хорошо освещали зал.

Но ничего хорошего в этом не было, потому что освещали они в основном гигантскую статую Кетцальколготля, Чуда в Перьях. Любой, кто попал в помещение с этой статуей, захотел бы очутиться в непроглядной темноте.

Хотя, может быть, и нет. Может быть, лучше было бы оставить статую в полумраке, но самому оказаться за тысячу миль оттуда, мучаясь кошмарами от полученного впечатления.

Это только статуя, сказал себе Ринсвинд твердо. Она не живая. Это просто игра их воображения.

– Что это за это, как его? – спросил попугай.

– Это их бог.

– Да ладно!

– Да нет, правда. Это Кетцальколготль. Получеловек, полукураца, полуягуар, полужмея, полускорпион и полный псих.

Поняв смысл слов Ринсвинда, попугай несколько раз раскрывал и закрывал клюв, и наконец вымолвил:

– Получается, он аж трижды смертельно опасный этот, как его?

– Получается, что так, – отозвалась статуя.

– С другой стороны, – поспешно вставил Ринсвинд, – я считаю жутко важным, чтобы каждый мог свободно отправлять свой культ так, как велит ему его совесть, и вообще мы уже собирались уходить, так что...

– Прошу вас, не бросайте меня здесь, – взмолилась статуя. – Возьмите меня с собой!

– Тут все не так однозначно, – заговорил Ринсвинд, пятясь. – Дело не во мне, вы же понимаете, но там, где я живу, до сих пор очень сильны устаревшие стереотипы и предубеждения против десятиметровых существ с клыками, когтями и ожерельями из черепов по всему телу. Боюсь, вам у нас будет непросто...

Попугай больно ущипнул его за ухо:

– Этот голос – за статуей, ты, этот, как его! – прохрипел он.

Голос шел из дыры в полу. В глубокой яме Ринсвинд разглядел бледное лицо. Лицо принадлежало пожилому мужчине, имело благородные черты, и на нем

---

¹⁴ По крайней мере, так это выглядело издали. Вблизи становилось понятно, что происходит нечто совсем другое.

отражалось некоторое волнение.

– Добрый вечер, – поздоровался Ринсвинд.

– Вы даже не представляете себе, как много для меня значит вновь услышать дружеский голос, – сказал мужчина с приятнейшей улыбкой. – Не могли бы вы помочь мне выбраться отсюда?

– Разумеется, но... – замялся Ринсвинд, – вы ведь пленник, верно?

– Увы, это так.

– Не уверен, что это было бы правильным с моей стороны – вот так запросто освобождать пленников. А вдруг вы что-то натворили?

– О нет, уверяю вас, я не виновен ни в каком преступлении!

– Не имею оснований вам не верить, – гнул свое Ринсвинд, – но если чужаки рассудили...

– Да что ты за этот, как его! – закаркал попугай, яростно раскачиваясь из стороны в сторону на плече Ринсвинда. – У тебя что, этого, как его, нет? Откуда ты такой взялся? Это же пленник! Пленник в храме! Пленников в храмах нужно освобождать! Что ещё с ними можно делать?

– С какого перепугу? – поинтересовался Ринсвинд. – Много ты понимаешь! Может быть, его хотят принести в жертву! Вас случайно не хотят принести в жертву? – уточнил Ринсвинд у пленника.

Тот кивнул:

– Вы совершенно правы. С меня должны заживо содрать кожу.

– Ну вот, видишь? – спросил Ринсвинд у попугая. – С него должны заживо содрать кожу. А ты говоришь.

– Разрезать кожу на ремни и удалить, сопровождая изумительной болью.

Ринсвинд задумался. До сих пор он думал, что знает значение слова “изумительный”, и со словом “боль” оно не очень согласовалось.

– Что, прямо всю? – спросил он.

– По всей видимости, так.

– Надо же. А что вы натворили?

Пленник вздохнул:

– Вы мне, скорее всего, не поверите... – начал он.

Царь демонов дал зеркалу снова затуманиться и побарабанил пальцами по столу. Затем он притянул к себе переговорную трубу и дунул в нее.

Через некоторое время далекий голос отозвался:

– Слушаю, начальник!

– “Слушаю, сир!” – рявкнул царь.

Далекий голос пробормотал что-то неразборчивое и поправился:

– Слушаю – сир.

– У нас в персонале числится кто-нибудь по имени Кетцальколготль?

– Щас проверю, начальник. – Голос пропал, а потом вернулся. – Точно, начальник! Есть такой.

– Кто он? Принц, князь, барон?

– Никак нет, начальник.

– А кто же?

На том конце не отвечали.

– Ну, и кто он такой? – переспросил царь.

– Да никто такой, начальник.

Царь посмотрел на переговорную трубу с отвращением. Никакого толку, подумал он. Составляй планы, реорганизууй рабочие процессы, помогай людям наладить производство – и вот результат.

– Ко мне его, – приказал он.

Музыка, доносившаяся снаружи, взвизгнула и смолкла. Трещали дрова в кострах. Тысячи сверкающих глаз из близлежащих джунглей следили за происходящим.

Верховный жрец поднялся и произнес короткую речь. Эрик сиял, как начищенный. Длинная колонна чумайя с корзинами драгоценных камней прошествовала мимо него, высыпая содержимое перед ним.

Затем верховный жрец произнес вторую короткую речь. Эта, казалось, завершилась вопросом.

– Превосходно, – ответил Эрик. – Просто замечательно. – Он почесал ухо и добавил: – Всем полдня отгула за счет фирмы.

Верховный жрец повторил вопрос. Казалось, в голосе его слышалось нетерпение и угроза.

– Да, я – это он и есть, – подтвердил Эрик на случай, если у кого-то оставались сомнения. – Вы все правильно поняли.

Верховный жрец задал вопрос снова, и в этот раз уже никому ничего не казалось.

– Давайте подытожим, – предложил царь демонов. Он откинулся на спинку своего трона. – Значит, в один прекрасный день ты обнаружил чумайя и подумал – я ничего не путаю? – “вот компания первобытных доходяг, которые сидят себе в болоте и никого не трогают” – точная цитата? Тогда ты внедрился в сознание одного из их главных жрецов – кажется, они тогда поклонялись какому-то бревну? – вселился в него и вдохновил его племя сплотиться, стать грозой соседей и создать на континенте новую нацию, объединенную идеей, что люди всей земли созданы для того, чтобы поставить их на вершине священной пирамиды и зарезать каменными ножами. – Царь подтянул к себе блокнотик с заметками. – Ах да, с некоторых содрать кожу заживо, – добавил он.

Кетцальколготль переминался с ноги на ногу.

– Вследствие чего, – продолжал царь демонов, – чумайя немедленно развязали кровопролитную войну против всех вокруг, обрекая на разруху и смерть тысячи сравнительно мирных граждан, и так далее, и тому подобное. Картина ясна. Все это нужно срочно прекратить.

Кетцальколготль раскрыл рот.

– Виноват, увлекся, – вымолвил бесенок. – И потом, я думал, это, ну, дело хорошее, правильное. Смерть, ужас, разруха, все вот это.

– Думал? – переспросил царь. – Он, оказывается, думал! Мученическая смерть тысяч относительно невинных людей! Тысячи душ одним махом раз, – царь прищелкнул пальцами, – и на небо! На поля счастливой охоты или куда они там... Вот в чем ваша общая проблема. Вам не хватает системного видения. Что я имею в виду? Посмотрите на этих чумайя. Депрессивные, агрессивные, лишенные воображения. Да за это время они могли бы изобрести полноценную бюрократию и налогообложение! Они погрузили бы во мрак умы всего континента! Вместо этого что мы имеем? Толпу примитивных громил с каменными топорами. Какое расточительство!

Кетцальколготль заерзал. Царь демонов качнулся на троне вперед и наклонился к нему.

– Значит, так. Я хочу, чтобы ты явился туда и извинился перед ними, – приказал он.

– То есть, как?

– Скажешь, что ты напутал. Что на самом деле ты хотел, чтобы они денно и ночью пеклись о благе ближнего своего. Это беспронгрышный вариант.

– То есть? – не понял Кетцальколготль. – Вы хотите, чтобы я явился им?

– Они и так уже тебя видели, разве нет? Я помню статую. Очень похоже.

– Ну, да... Я являлся им во сне, все такое, – мялся демон.

– Вот и прекрасно. За работу.

Кетцальколготля что-то явно смущало.

– Э-э, – протянул он. – Вы хотите, чтобы я вот прямо воплотился перед ними? Вот так, как есть?

– Совершенно верно.

– Охохошеньки...

Пленник отряхнулся и протянул Ринсвинду руку в морщинах и старческих пятнах.

– Премного благодарен. Понсе да Щеботан, – сказал он.

– Что такое?

– Это мое имя.

– А-а. Тогда понятно.

– Это старинное и гордое имя, – добавил да Щеботан, вглядываясь в Ринсвинда в поисках малейшей тени насмешки.

– Отличное имя, – ответил Ринсвинд без выражения.

– Мы искали Источник Вечной Юности, – продолжил да Щеботан.

Ринсвинд окинул его взглядом:

– И как, нашли? – спросил он вежливо.

– Пока не могу похвастаться.

Ринсвинд перевел взгляд на яму:

– Вы сказали “мы”. Где же остальные? – поинтересовался он.

– Видите ли, местная религия...

Ринсвинд покосился на статую Кетцальколготля. Характер этой религии не вызывал никаких сомнений.

– Я думаю, – произнес он, – нам пора уходить.

– Вы совершенно правы, – согласился старик. – И желательно побыстрее. До того, как объявится Повелитель Мира.

Ринсвинд похолодел. Вот оно, подумал он. Я же знал, что все кончится плохо – и вот, пожалуйста. Где были мои инстинкты?

– Что вам известно об этом? – быстро спросил он.

– О! – обрадованно заговорил да Щеботан. – У них есть пророчество – про всю историю мира, от начала до конца. Оно целиком записано на этой самой пирамиде. Клянусь, я не хотел бы оказаться на месте Повелителя, когда он придет. Они обо всем подумали.

Эрик встал.

– Теперь слушайте все меня, – сказал он. – Теперь у нас все будет по-новому. Поскольку я, как вам известно, ваш повелитель...

Ринсвинд изучал каменные плиты вокруг статуи. У чумаия заняло два этажа, двадцать лет и десять тысяч тонн гранита рассказать, что именно они собираются сделать с Повелителем Мира, но результат, что называется, говорил сам за себя. У Повелителя не останется никаких сомнений в том, что чумаия ему не рады. Он даже сможет заключить, что они на него весьма злы.

– Но зачем они сначала осыпают его всеми этими драгоценностями? – спросил Ринсвинд, указывая на соответствующую плиту.

– Ну, как бы там ни было, он все же Повелитель Мира, – ответил да Щеботан. – Я полагаю, он заслуживает некоторого уважения.

Ринсвинд понимающе кивнул. Это даже было по-своему справедливо. Если вы – племя, обитающее в болоте посреди тропических джунглей, не знающее металлов, на шее у которого сидит такое божество, как Кетцальколготль, и вдруг вы встречаете кого-то, кто утверждает, что повелитель всего этого мира лично он – вы, вероятно, не пожалеете времени, чтобы объяснить ему, как невероятно глубоко ваше разочарование в нем. Чумаия никогда стеснялись своих чувств по отношению к божественному.

Изображение очень напоминало Эрика.

Ринсвинд перешел к истории, рассказанной на следующей стене. Здесь каменная плита содержала весьма узнаваемое изображение самого Ринсвинда. На плече его сидел попугай.

– погоди-ка, – воскликнул Ринсвинд. – Да это же я!

– Ты лучше погляди, что с тобой делают вот на этой плите, – посоветовал попугай. – Прямо эти, как их, дыбом.

Ринсвинд поглядел. Все его эти, как их, послушно встали дыбом.

– Уходим отсюда очень тихо, – скомандовал он. – Благодарить за ужин не будем. Потом пришлем письмо, мы же не какие-нибудь...

– Минуту, только одну минуту, – взмолился да Щеботан, когда Ринсвинд схватил его за руку и потащил к выходу. – Я не имел возможности видеть отсюда все плиты. Мне очень хочется узнать, как закончится мир.

– Как кончится мир, мне совершенно неинтересно, – отозвался Ринсвинд, не переставая тянуть старика дальше по коридору. – Я видел, как они собираются прикончить меня.

Ринсвинд вышел из пирамиды на свет разгорающейся зари. В восходе солнца не было ничего плохого. Плохо было то, что вышли они в полукольцо чумайя, вооруженных копьями. Копья их имели обсидиановые наконечники, которые, как и их мечи, в подметки не годились современным дешевым наконечникам из стали. Насколько приятнее сознавать, что тебя собираются заколоть уникальным произведением подлинного народного искусства, а не грубым фабричным изделием, которое выковали люди, утратившие связь с циклами природы? Да нинасколько, понял Ринсвинд.

– Лично я всегда говорю так, – промолвил да Щеботан. – Во всякой вещи есть и хорошая сторона.

Привязанный к соседнему каменному блоку Ринсвинд с трудом повернул голову.

– Сейчас она где?

Да Щеботан скосил глаза на болота и полог леса.

– Для начала, отсюда открывается превосходный вид на пейзаж.

– Вы правы, – согласился Ринсвинд. – Я об этом не подумал. Между тем, этот пейзаж я не забуду до самого конца жизни. Что да, то да. Непохоже на то, что избыток впечатлений скоро сотрет этот вид из моей памяти.

– Ну, зачем вы так? Я просто хотел поддержать беседу.

– Хочу к маме, – хныкал Эрик на среднем камне.

– Выше голову, мой мальчик! – подбодрил его да Щеботан. – По крайней мере, ты станешь жертвой во имя чего-то стоящего. Что до меня, то я всего лишь предложил им повернуть колесо перпендикулярно земле, чтобы оно могло катиться. Боюсь, что они не очень охотно воспринимают новшества. И все же, *nil desperandum!* Пока мы живы, жива надежда!

Ринсвинд глухо зарычал. Чего он не мог выносить, так это людей, сохраняющих бесстрашие перед лицом смерти. Это задевало какие-то струны в самом основании его души.

– Кстати, должен заметить... – сказал да Щеботан и попытался поерзать из стороны в сторону, натягивая лианы, которыми был привязан. – Да, определенно, мне кажется, что при изготовлении этих веревок они... Нет, я положительно уверен, что эти веревки...

– Что? Что они? – воскликнул в нетерпении Ринсвинд.

– Я совершенно уверен, – отвечал да Щеботан, – что эти веревки исключительно прочны и надежны. Не поддаются ни на дюйм.

– Большое вам спасибо, – поблагодарил Ринсвинд.

Плоская верхушка усеченной пирамиды была довольно просторна. На ней

нашлось место для множества статуй, жрецов, каменных плит, линий производства обсидиановых ножей и многого другого, что требовалось чумайя для отправления своего культа. Перед плитой, на которой лежал Ринсвинд, несколько жрецов попеременно зачитывали длинный список жалоб на болота, москитов, отсутствие полезных ископаемых, вулканы, климат, обсидиан, у которого вечно обламывается край, сложности духовной жизни с таким богом, как Кетцальколготль, колёса, которые ни за что не катятся, сколько ни толкай их, положив на землю, и так далее, и тому подобное...

В большинстве религий молящиеся хвалят и прославляют своих богов – из общего боголюбия или в надежде, что означенный бог поймет намёк и начнет соответствовать своему образу. Чумайя, слишком хорошо знакомые с окружающим их миром, не ждали милостей от божества, и их литургия представляла собой доведенное до поэтического исступления нытье.

– Уже скоро, – сообщил попугай со своей жердочки над статуей одного из богов второго разряда в пантеоне чумайя. Там он оказался в результате длинной цепочки событий, среди которых было много хриплых криков, разлетающихся перьев и кровоточащих пальцев жрецов чумайя. – Верховный жрец как раз заканчивает это, как его, в честь Кетцальколготля, – добавил попугай. – Народу на вас собралось прилично, – одобрительно заметил он.

– Слушай, а нельзя тебя попросить слететь сюда и перекусить клювом эти веревки? – спросил его Ринсвинд.

– Нет, нельзя.

– Так я и думал.

– Скоро взойдет солнце, – продолжал попугай. Ринсвинду показалось, что бодрость в его голосе несколько наигранная.

– Слышишь, ты, демон? Я буду жаловаться! – рыдал Эрик. – Не дай боги моя мама узнает! У моих родителей большие связи, так и знай!

– Да, правда? – уточнил Ринсвинд. – Так что ж ты не скажешь верховному жрецу, что если он вырежет у тебя сердце, твоя мамочка завтра же поставит на уши всю твою школу?

Жрецы чумайя поклонились восходящему солнцу, и взоры всех присутствующих обратились к джунглям.

Там происходило что-то необычное. В подлеске слышался громкий треск. Из кроны деревьев вылетали с воплями тропические птицы.

Ринсвинд по понятной причине не мог этого видеть.

– Втемяшилось же тебе стать повелителем мира, – укоризненно продолжал Ринсвинд. – О чем ты думал? Что все будут прямо счастливы тебя видеть? Кто и когда был рад видеть своего домовладельца?

– А чего они хотят меня казнить?!

– Ну, это их способ сказать, что, образно выражаясь, им чертовски надоело ждать, пока ты покрасишь стены и прочистишь канализацию.

К этому времени все джунгли охватило беспокойство. Дикие звери выбегали на опушку, словно спасаясь от лесного пожара. Время от времени раздавался глухой удар упавшего исполинского дерева.

Наконец обезумевший ягуар выскочил из кустов и изо всех сил понесся по улице. Не отставая от него ни на шаг, за ним несли Сундук.

Он был весь покрыт обрывками лиан, плющей, листьями и перьями различных редких представителей флоры и фауны джунглей, многие из которых стали теперь ещё более редкими. Ягуар мог бы спастись, скача зигзагами то в одну сторону, то в другую, но оглуляющий панический ужас не давал ему этого сделать. Он совершил ошибку, оглянувшись и попытавшись понять, что же его преследует. Эта ошибка оказалась для него последней.

– А помнишь, у тебя был ящик на ножках? – спросил попугай.

– Помню. А что с ним? – ответил Ринсвинд.

– Да он направляется сюда!

Жрецы с тревогой наблюдали за сутолокой далеко внизу. Сундук обращался со всем, что вставало между ним и его целью, безо всяких обиняков – он его игнорировал.

И именно в этот миг, вопреки всем своим предчувствиям, в большом волнении и, что самое неприятное, в полном неведении о том, что происходит вокруг, Кетцальколготль решил явиться во плоти на вершине пирамиды.

Некоторые жрецы сразу увидели его. Ножи выпали из их рук.

– Гм-гм, – пискнул демон.

Обернулись и другие жрецы.

– Отлично. Прошу минутку внимания, – пропищал Кетцальколготль, приложив ручки рупором к своему главному рту, чтобы было лучше слышно.

Положение было ужасно неловкое. Ему так нравилось быть верховным божеством чумайя. Ему очень импонировала их фанатичная покорность и верность своему долгу. Ему очень льстила невероятно похожая на него статуя внутри пирамиды. Но ему ужасно неловко было обнаружить, что в одном очень важном аспекте произошла огромная ошибка.

Кетцальколготль был ростом с ладонь.

– Внимание! – начал он. – У меня очень важное сообщение!

К сожалению, никто не узнал, что содержалось в этом сообщении. В это мгновение Сундук, крутя ногами, как пропеллерами, выпрыгнул на вершину пирамиды и шлепнулся на плиты верхней площадки. Раздался слабый сдавленный писк.

– Наш мир – удивительное место, – разглагольствовал да Щеботан. – Если не смеяться над ним, то можно потерять рассудок, не так ли, друзья мои? Только что я был привязан к каменной плите и обречен на изумительные мучения – и через мгновение я уже в новой пижаме, завтракаю, принимаю ванну и покидаю королевство туземцев. Поневоле поверишь, что бог есть. В то же время, чумаяя прекрасно знали, что бог есть, но теперь он – маленькое мокрое место на верхушке пирамиды. Пожалуй, им сейчас приходится нелегко.

Сундук встал на главной площади города. Жрецы в полном составе сидели вокруг и внимательно следили за ним, на случай, если он совершит что-нибудь ужасное или священное.

– Ты что, оставишь его здесь? – спросил Эрик.

– Если бы это было так просто! – вздохнул Ринсвинд. – Он всегда следует за мной. Давайте-ка пойдём отсюда, да побыстрее.

– Но почести мы возьмем с собой, да?

– Эта мысль мне совсем не нравится, – ответил Ринсвинд. – Давай просто тихо исчезнем, пока они в хорошем настроении. Рано или поздно всякая новизна приедается.

– Но мне хотелось бы продолжить поиски Источника Вечной Юности, – сказал да Щеботан.

– Ах, да, конечно, – согласился Ринсвинд.

– Ведь я посвятил этим поискам всю мою жизнь, – с гордостью подчеркнул старик.

Ринсвинд посмотрел на него:

– Правда? Всю жизнь? – спросил он.

– О, да! С юных лет. Практически с детства.

– Но, если так, – недоуменно спросил Ринсвинд, – не лучше ли было бы... Не разумнее ли было... Просто жить себе своей...

– Что вы имеете в виду? – не понял да Щеботан.

– О, неважно, – ответил Ринсвинд. – А знаете, что? – добавил он вдруг. – Чтобы вам было не так, ну, одиноко в ваших поисках – позвольте вручить вам в подарок этого замечательного говорящего попугая! – Ловким движением Ринсвинд обхватил попугая, не позволяя ему повернуть голову так, чтобы тяпнуть себя за палец. – Жестоко было бы обрекать бедную свободолюбивую птицу на жизнь в городе, не так ли?

– Да я вылупился в клетке, чертов ты этот, как его! – завопил попугай.

Ринсвинд поднес его к своему лицу, нос к клюву:

– Или так, или форшмак, – сказал он тихо. Попугай разинул клюв, чтобы укусить Ринсвинда за нос, но, поглядев ему в глаза, передумал.

– Попка дурак, – промолвил он. – Это, как его, этим, как его, в эту, как ее...

– Мой собственный питомец! – воскликнул да Щеботан. – Я буду беречь его, как зеницу ока!

– Этим, как его, по этому, как его...

Наши друзья дошли до опушки джунглей. Через несколько минут Сундук присоединился к ним и затоптал следом.

В королевстве Чучумы наступил полдень.

Из главной пирамиды доносился стук молотков – там разбирали очень большую статую.

Жрецы задумчиво сидели кружком. Время от времени один из них поднимался и произносил короткую речь. Все жрецы сходились в главном: что экономика королевства держится на выделке обсидиановых ножей; что покоренные соседи нуждаются в твердой руке, а порою и в твердом остром каменном ноже в этой руке, и, главное, что безбожников ждет ужасное будущее. Люди, которые не чтут богов, способны на что угодно. Они могут забыть славные традиции трудолюбия и сердечной человеческой жертвенности, которые скрепляли королевство на протяжении всей его истории. Если у людей не будет бога – они начнут задумываться. нужны ли им жрецы. Представить себе невозможно, до чего могут пойти такие люди.

Верховный жрец Мачуча красноречиво попытожил эти рассуждения, заявив: "[раздавленный человек со сломанным носом, коготь ягуара, три пера, иглистый муравьед в профиль]!"

Затем состоялось голосование.

К вечеру лучшие резчики по камню в королевстве уже трудились над новой статуей.

Она была длинной, невысокой и имела множество ног.

Царь демонов барабанил пальцами по столу.

Его тревожила не судьба Кетцальколготля, которому придется теперь провести несколько столетий в одном из нижних адов, покуда он не обзаведется новым плотным телом. Так ему и надо. Противный мелкий бес.

Не смущало его и происшествие среди пирамид как таковое. Суть исполнения желания в том и состоит, чтобы заказчик получил в точности то, чего просил, а не то, чего хотел.

Нет. Его тревожило то, что ситуация вышла из-под его контроля.

Это, конечно, просто смешно. Если дела пойдут совсем из рук вон хорошо, он всегда может воплотиться и лично исправить положение. Но ему нравилось, когда люди верят, будто все плохое, что случается с ними – это судьба. Мысль об этом поднимала ему настроение, когда ничто другое уже не могло.

Царь демонов снова открыл зеркало. Через некоторое время ему пришлось покрутить верньер времени.

Мгновение назад это были душные и влажные джунгли Хватча. Через мгновение...

– Я думал, мы вернемся в мою комнату, – пожаловался Эрик.

– Я тоже, – ответил Ринсвинд. Ему пришлось перекричать грохот.

– Щелкни пальцами, демон!

– Ни за что! Столько мест хуже, чем это!..

– Но тут жарко и темно!

На это Ринсвинду было нечего возразить. Тут ещё было очень шумно и тряско. Когда глаза привыкли к темноте, Ринсвинд различил несколько полосок света – они находились внутри чего-то, похожего на трюм корабля. Определенно пахло свежеструганным деревом и столярным клеем. Если это был корабль, то его, похоже, с большим трудом спускали на воду по стапелю, усыпанному камнями. Сильный удар сбросил Ринсвинда на днище.

– Честно говоря, – ныл Эрик, – если здесь живет самая прекрасная женщина в мире, то у нее какой-то странный блудуар. Могла бы кинуть сюда какие-нибудь подушки.

– Блудуар? – не понял Ринсвинд.

– У нее должен быть блудуар, – пояснил умный Эрик. – Я про них читал. Она должна там возлежать.

– Скажи-ка, – спросил Ринсвинд, – тебе когда-нибудь приходило в голову принять холодный душ и пробежаться по лугу на рассвете?

– Нет, никогда.

– А стоило бы.

Грохот внезапно прекратился. Раздался громкий стук, как если бы закрылись большие ворота. Ринсвинду послышались какие-то удаляющиеся голоса и смех. Смех был неприятный – злорадный, не предвещавший кому-то ничего хорошего. Ринсвинд подозревал, что знает, кому именно.

Ринсвинд бросил размышлять, как он попал сюда, и куда это он попал. Невезение – вероятнее всего, это было оно. Во всяком случае, прямо сейчас ему

ничего не угрожало. Это, вероятнее всего, был вопрос времени.

Ринсвинд пошарил вокруг себя, и пальцы его наткнулись на что-то, что при свете, упавшем из ближайшей дырки, оказалось веревочной лестницей. Дальнейшие исследования в дальнем конце трюма или чего-то похожего на трюм обнаружили небольшой круглый люк. Люк был заперт на засов изнутри.

Ринсвинд подполз к Эрику:

– Здесь есть выход, – прошептал он.

– Куда он выходит?

– Никуда не выходит. Так тут и остается, – ответил Ринсвинд.

– Демон! Выясни, куда он ведет!

– Мне не нравится эта мысль, – осторожно заметил Ринсвинд.

– Демон! Делай, что велено!

Ринсвинд неохотно отполз обратно к люку и отодвинул засов. Люк со скрипом раскрылся. Внизу – довольно далеко внизу – Ринсвинд увидел сырые от росы бульжники мостовой, над которыми утренний бриз гнал клочья тумана. Тихо вздохнув, Ринсвинд развернул лестницу.

Через пару минут они стояли посреди большой и безлюдной площади. В густом тумане виднелись какие-то постройки.

– Где это мы? – спросил Эрик.

– Ни малейшего понятия.

– Как, ты не знаешь?

– Никак не знаю.

Эрик глядел на проглядывающую сквозь туман архитектуру.

– Найдешь тут, пожалуй, самую прекрасную женщину всех времен и народов, – плаксиво заметил он, – в этих-то трущобах!

Ринсвинду пришло в голову взглянуть, откуда они только что спустились. Он поглядел вверх.

Вверху – довольно далеко вверху – на четырех массивных ногах, прибитых к большой платформе на колесах, возвышался огромный деревянный конь. Точнее, над ними возвышалась задница огромного деревянного коня. Его строители могли бы сделать люк в более приличном месте, но этого им не позволило, по всей видимости, извращенное чувство юмора.

– Э-э-э... – начал было Ринсвинд.

Кто-то кашлянул. Ринсвинд опустил взгляд.

Из рассеивающегося тумана показался широкий круг людей, вооруженных стандартными, лишенным индивидуальности и души, но от того не менее острыми, длинными копьями. Многие воины ухмылялись.

– О-о-о, – закончил Ринсвинд. Он ещё раз посмотрел на люк. Вопросов не осталось.

– Я только вот чего не понимаю, – промолвил начальник стражи. – Почему вас только двое? Мы ожидали сотню, не меньше.

Начальник стражи откинулся на своем стульчике. Огромный шлем с перьями лежал у него на коленях, на лице играла довольная улыбка.

– Нет, правда, эфебяне, – продолжал он, – вы издеваетесь, что ли? Совсем за дураков нас держите? всю ночь визг пил и стук молотков, потом у ворот появляется эта идиотская деревянная лошадь, и я такой – вот забавно, огромная деревянная лошадь с дырками для воздуха! Я же не слепой, правда? Вижу дырки для воздуха. Поднимаю своих ребят чуть раньше, втаскиваем эту лошадь в ворота, все чин-чинарем, потом мы прячемся и ждем, когда лошадь пукнет. Образно говоря... Ну, так что, – начальник стражи обратился к Ринсвинду, – что ты выбираешь? Верхний ряд или нижний? Выбор твой. Я замолвлю словечко. Ты мне поможешь, я – тебе.

– Какой ряд? – не понял Ринсвинд, кривясь от могучего запаха чеснока.

– В боевой триреме, какой же ещё! – весело воскликнул сержант. – У нее три ряда, один над другим. Трирема она, понял? Вас приковывают к веслам на сколько-то лет, и тут уж так – либо ты сидишь на верхнем ряду, и тогда у тебя свежий воздух и все такое, либо ты на нижнем ряду, и тогда все наоборот. Поможешь мне – и единственной твоей проблемой будет отбиваться от чаек. Ну, так что? Почему вас только двое?

Сержант снова откинулся к стенке.

– Извините, – спросил его Эрик, – а это случайно не Цорт?

– Сынок, ты точно надо мной не издеваешься? А то ведь, знаешь, есть и такая штука, как квинквирема.¹⁵ Тебе не понравится, поверь мне.

– Что вы, сэр, – воскликнул поспешно Эрик. – Я просто сбился с пути. Попал под дурное влияние.

– Да что ты говоришь! – вскинулся Ринсвинд. – Совершенно нечаянно немножко начертил на полу магических кругов, и...

– Сержант! Сержант! – в караулку вбежал солдат. Сержант повернулся к нему. – Сержант, там ещё один! Ещё один прямо за воротами!

Сержант оглянулся на Ринсвинда.

– Вон оно, значит, что, – торжествующе сказал он. – Вы разведчики! Вы должны были открыть ворота, верно? Ну, вот и славно. Сейчас сходим, разберемся с вашими приятелями, и сразу вернемся. – Он ткнул в пленников и скомандовал

---

¹⁵ А так называлась галера с пятью рядами весел. (Прим. перев.)

солдату: – Ты остаешься здесь. Будут дрыгаться – сделай с ними что-нибудь жуткое.

Ринсвинд и Эрик остались наедине с солдатом.

– Ты понимаешь, что ты наделал? – спросил Эрик. – Ты отправил нас в прошлое, во время Цортской войны! Это же тыщи лет назад! Мы это в школе проходили – деревянного коня и всё вот это! Эфебьяне похитили прекрасную Еленору – или это у них ее похитили?.. – и, чтобы ее вернуть, много лет осаждали крепость, ну, всё такое... – Эрика осенило: – Так значит, я встречу с ней! Во здорово!

Ринсвинд оглядел помещение. Оно не выглядело очень древним – но и не должно было, потому что древним оно еще не было. Куда ни попадешь во времени – ты всегда попадаешь в сейчас. Ринсвинд попытался припомнить что-нибудь из античной истории, но битвы, одноглазые великаны и женщины, что гнали ликом тысячи судов в далекий путь¹⁶, совершенно перепутались в его памяти.

– Ты что, до сих пор не понял? – шипел Эрик, сверкая очками. – Они загнали коня в крепость раньше, чем солдаты успели в него забраться! Мы же знаем будущее! Мы можем стать безумно богатыми!

– Это каким образом?

– Ну... – задумался мальчик. – Мы можем ставить на скачках, например.

– Отличная мысль, – похвалил Ринсвинд.

– Вот! А ещё...

– Всё, что осталось – это убежать отсюда, потом найти, где тут устраивают скачки, а потом всего-то только лишь вспомнить, какие же лошади победили на скачках в Цорте пару тысяч лет назад. Пара пустяков!

Ринсвинд и Эрик снова мрачно уставились в пол караулки. Вот в чем беда с путешествиями во времени – к ним никогда не удастся подготовиться. То немного, на что можно надеяться, решил Ринсвинд, это найти Источник Вечной Юности, о котором говорил да Щеботан, и ухитриться прожить все эти тысячи лет, чтобы убить своего дедушку – единственный аспект путешествия во времени, который был сколько-нибудь близок Ринсвинду. Он, сколько себя помнил, считал, что его предки это заслужили.

И все-таки как-то странно. Ринсвинд хорошо помнил историю про деревянного коня, использованного, чтобы проникнуть в крепость. В истории не было ничего про него и Эрика. А во второй деревянной штуке, появившейся у ворот сразу после этого, и вовсе было что-то загадочное и неотвратимое.

– Прошу прощения, – обратился он к солдату. – А вот эта вторая деревянная штука, которая появилась у ворот – это ведь не конь, да?

– Вам лучше знать, – ответил солдат. – Вы же шпионы, не я.

– Может быть, она такая продолговатая и поменьше размером? – спросил

---

¹⁶ “Доктор Фауст” Кристофера Марло цитируется [в переводе Н. Н. Амосовой](#). (прим. перев.)

Ринсвинд с выражением невинного любопытства.

– Да уж. Никакого воображения у вас, проклятые эфебские дикари.

– Теперь все ясно, спасибо.

Ринсвинд сложил руки на коленях.

– Попробуйте только бежать, – проворчал солдат. – Попробуйте только. Только попробуйте – и увидите, что будет.

– Должно быть, ваши коллеги и ее втащат в город? – продолжил Ринсвинд.

– Да уж наверно, – предположил солдат.

Эрик хихикнул.

Солдат начал замечать, что издалека до них доносятся беспорядочные крики. Кто-то попытался протрубить в рожок, но после пары тактов сигнал оборвался.

– Там, похоже, серьезная драка, – промолвил Ринсвинд. – Там добывают трофеи, совершают героические подвиги, попадают на заметку командирам и тому подобное. А ты должен торчать тут с нами.

– Куда поставили, там и стою, – огрызнулся солдат.

– Это очень правильно, – похвалил Ринсвинд. – Подумаешь, кто-то где-то доблестно сражается, защищая от врага свой город и его гражданское население! Ты сидишь здесь и сторожишь нас. Герой, что тут скажешь. Тебе наверняка поставят памятник на площади – надеюсь, там ещё осталась хоть одна площадь. И на нем напишут: “Стоял, куда поставили”.

Солдат, казалось, задумался о сказанном. Пока он думал, со стороны главных ворот раздался жуткий грохот и треск.

– Слушайте, – в отчаянии взмолился солдат, – что если я выгляну на секундочку? Только посмотреть?

– За нас не волнуйся, – ободрил его Ринсвинд. – У нас вроде как и оружия-то нет.

– Точно, – согласился солдат. – Спасибо вам! – Он улыбнулся Ринсвинду несколько виноватой улыбкой и побежал на шум и звуки битвы.

Эрик глядел на Ринсвинда с восторгом:

– Вот это да! Как ты его, а! – воскликнул он.

– Парень далеко пойдет, – отозвался Ринсвинд. – Здоровые военные инстинкты. Не каждый день такое встречаешь. Ну, что, бежим?

– Куда?

Ринсвинд вздохнул. Сколько раз он ни пытался преподавать основы своей философии, каждый раз приходилось начинать с начала.

– Об этом не думай, – сказал он наконец. – Это выяснится по ходу дела, поверь моему опыту. Главное – прочь.

Капитан осторожно выглянул из-за баррикады и сердито выругался:

– Сержант! Это всего-навсего ящик! В него не засунуть и двух человек.

– Никак нет, сэр, – ответил сержант с лицом человека, мировоззрение которого претерпело серьезные изменения за последние десять минут. – В нем уже по меньшей мере четверо, сэр. Капрал Оболтос и все его отделение, сэр. Я послал их открыть его, сэр.

– Сержант, вы что, пьяны?

– К моему сожалению, никак нет, сэр!

– Сержант! Ящики не едят людей!

– А потом он так разозлился, сэр – сами посмотрите, что он сделал с воротами.

Капитан снова выглянул из-за бревен и обломков досок.

– Что же, он у вас вскочил на ножки и сам туда побежал, так? – спросил он иронически.

Сержант обрадованно улыбнулся. Похоже, понимание все-таки возникло.

– Прямо в яблочко, сэр, – подтвердил он. – Ножки, сэр. Сотня, никак не меньше.

Капитан набрал в рот воздух. Сержант выпучил глаза и принял тот самый лихой и придурковатый вид, который передается от унтер-офицера к унтер-офицеру с тех самых пор, как первая протоамфибия скомандовала младшей по званию протоамфибии построить взвод своих головастиков и высадиться наконец на этот треклятый пляж. Капитану было восемнадцать лет, он только что закончил военную академию с отличными оценками по классической тактике, триумфальным одам и боевому правописанию. Сержанту исполнилось пятьдесят пять, и все свое образование он получил в боях с гарпиями, людьми, циклопами, фуриями и жуткими многоногими чудовищами. Сержант считал, что не заслуживает такого обращения.

– Ну, вот что, сержант! Я сам пойду и разберусь...

– Не самый лучший план, сэр, если позволите...

– ...и когда я разберусь с этой штукой, проблем больше не будет.

Сержант отдал честь:

– Так точно, сэр, – ответил он, заглянув в ближайшее будущее.

Капитан, фыркнув, вскарабкался на баррикаду и направился к ящику, который стоял тихо и неподвижно посреди сотворенных им разрушений. Тем временем сержант присел на корточки за самым крепким бревном, какое смог найти, и решительно натянул шлем на самые уши.

Ринсвинд пробирался по улицам города, волоча за собой Эрика.

– Мы идем искать Еленору? – спросил мальчик.

– Нет, – коротко ответил Ринсвинд. – Что мы идем искать, так это другой выход отсюда. И через него мы собираемся отсюда выйти.

– Это нечестно!

– Она старше тебя на две тысячи лет! Я, конечно, понимаю, обаяние зрелости и все такое, но у тебя ничего не получится.

– Повелеваю отвести меня к ней, – взвыл Эрик. – А ну, слушай и повинуйся!

Ринсвинд остановился так резко, что Эрик врезался в него:

– Значит, так, – сказал он. – Мы с тобой стоим посреди самой кровопролитной войны, которую знали эти места. В любую минуту тысячи солдат вступят в смертельную схватку. А ты требуешь, чтобы я бросил все, нашел тебе эту красотку и сказал ей “здравствуйте, знаете, один мой друг хочет пригласить вас на свидание”? Не будет этого!

Затем Ринсвинд отыскал другие ворота в городской стене. Эти были меньше, чем главные, и здесь не было часовых. Они были закрыты на засов. Ринсвинд отодвинул его.

– Это все – не наше дело, – сказал он. – Мы вообще ещё даже не родились. Мы не в том возрасте, чтобы воевать, у нас нет здесь интересов, и мы больше не собираемся вмешиваться в ход мировой истории. Ясно тебе?

Ринсвинд открыл дверь, и это сберегло армии эфебян примерно минуту времени. Они как раз собирались постучать.

Битва продолжалась весь день. Ее во всех подробностях расписали историки последующих времен – похищения красавиц, построения флотов, изготовление деревянных животных, сражения героев друг с другом. Все до единого летописцы полностью проигнорировали роль, которую сыграли Ринсвинд с Эриком и Сундук. Однако эфебяне заметили, с каким воодушевлением цортские солдаты бежали к ним – не столько для того, чтобы ввязаться в драку, сколько убегая от чего-то другого.

Историки умолчали также о таком занятном аспекте военного дела в древнем Хватче, что дело это в те времена находилось на довольно примитивном уровне. Воевали друг с другом в основном лишь солдаты, а широкая общественность была вовлечена в конфликт довольно слабо. Все понимали, что та или другая сторона победит, несколькими невезучим генералам отрубят головы, победителям выплатят солидные суммы денег, все вернутся домой убирать урожай, а красотке придется наконец выбрать, с кем она, шалава этакая, останется в итоге жить.

Поэтому жизнь на улицах Цорта шла более-менее своим чередом. Горожане

обходили стороной время от времени возникающие стычки или пытались продать солдатам свои кебабы. Несколько более предприимчивых местных жителей уже начали разбирать деревянного коня на сувениры.

Ринсвинд не пытался вникать в происходящее. Он сидел за столиком в одной из открытых кофеен и наблюдал оживленную драку между прилавков рынка, над которым смешались крики “Свежие оливки!”, стоны раненых и предупреждения “Берегись тарана!” Труднее всего ему было смотреть, как солдаты извиняются, нечаянно толкая покупателей. Хотя ещё труднее было заставить корчмаря принять монету с портретом человека, чей пра-пра-прадедушка ещё не родился на свет. К счастью, Ринсвинд сумел убедить хозяина кофейни, что будущее – это другая страна.¹⁷

– Мальчику лимонада, пожалуйста, – добавил он.

– Мне папа с мамой разрешают пить вино, – вмешался Эрик. – Целый стакан.

– Ага, – коротко отозвался Ринсвинд.

Хозяин кофейни деловито протер тряпкой столик, размазав пятна кофе и рецины по столешнице.

– Интересуетесь битвой? – поинтересовался он.

– Можно так сказать, – осторожно ответил Ринсвинд.

– Не советую тут разгуливать, – по-свойски заметил хозяин. – Говорят, ворота эфебянам открыл кто-то из штатских. Не то, чтобы я что-то имел против эфебян – славные ребята! – поспешно добавил он, когда мимо пробежал трусцой взвод солдат. – Говорят, кто-то неместный. Не дело это – впутывать мирное население. Все тут его разыскивают, чтобы потолковать, – и хозяин красноречиво рубанул ладонью по воздуху.

Ринсвинд не мог оторвать глаз от этой ладони. Эрик пискнул и закрыл лицо руками.

– Кто-нибудь знает, как он выглядел? – спросил Ринсвинд.

– Это вряд ли, – ответил хозяин.

– Ну, что ж, удачи им, – пожелал Ринсвинд, немного повеселев.

– А что с вашим мальчиком?

– Колики. Что-то не то съел.

Когда хозяин кофейни вернулся за прилавок, Эрик прошипел:

– Не обязательно было меня ударять!

– Согласен. Это я по собственному желанию.

Тут тяжелая рука опустилась на плечо Ринсвинда. Обернувшись, Ринсвинд

---

¹⁷ У английского читателя на слуху первая строка из “Посредника” Л.П.Хартли (1950): “Прошлое – это другая страна: там все иначе.” (прим. перев.)

установился в самое лицо эфебского центуриона. Солдат, стоявший за его спиной, подтвердил:

– Вот этот самый, сержант. Годовую пайку соли ставлю.

– Надо же, какая встреча! – пропел сержант со зловещей ухмылкой. – Вставай, дружок. Командир хочет с тобой поговорить.

Кто славит Александра, кто хвалит Геркулеса, кто Гектора с Лисандром, а кто Джона из-за леса.¹⁸ Собственно говоря, в истории множественной вселенной хвалебные речи произносились когда-либо в честь любого обладателя меча и расплющенных ушей – по крайней мере, в непосредственной близости от него – по той причине, что произносить такие речи гораздо безопаснее, чем не такие. Забавно, что люди всегда с уважением относятся к командиру, выдвигающему стратегию навроче “пусть-ка полсотни тысяч моих молодцов наваляют противнику”, тогда как командир, предлагающий “а давайте построим огромную деревянную лошадь, а сами войдем в крепость через задний ход, когда они все соберутся вокруг нее и будут ждать, что мы из нее вылезем” считается немногим лучше обычного прохиндея, которому вы бы гроша ломаного не ссудили.

Это оттого, что большинство командиров первого типа – храбрецы, а лучшие стратегии разрабатывают трусы.

Ринсвинда приволокли на главную площадь города, где полководцы эфеблян устроили свою ставку, чтобы лучше было видно штурм цитадели, нависающей над городом с головокружительно крутой горы. Но не слишком близко к ней, потому что защитники бросались сверху булыжниками.

Когда Ринсвинда привели, полководцы как раз обсуждали стратегию и сходились к тому, что если бросить на штурм горы очень много солдат, то их уцелеет достаточно для того, чтобы захватить цитадель. Собственно, на этом принципе и основывается вся стратегическая военная мысль.

Самые зрелищно одетые полководцы подняли глаза на Ринсвинда с Эриком, оглядели их с таким видом, будто дождевые червяки выглядят занимательнее, и отвернулись. Единственный человек, который, казалось, был рад им...

... вообще не был похож на воина. Его доспех не блестел, а плюмаж на шлеме напоминал кисть маляра, но он был худощав и боевит на вид, как хорек. Что-то в его лице показалось Ринсвинду смутно знакомым. Ринсвинду, он готов был поклясться, понравилось его лицо.

Впрочем, “рад им” можно было сказать лишь в сравнении. Он был вообще единственным, кто заметил их присутствие.

Он сидел на стуле и кормил Сундук пирожками.

---

¹⁸ Начальная строка из полкового марша британских гренадеров (XVII в.) (прим. перев.)

– А, ты, – холодно поздоровался он. – Привет.

Просто невероятно, как много информации можно вложить в пару нехитрых слов. Этими словами незнакомец красноречиво выразил: “Ночка выдалась не из легких, все приходится делать самому, от постройки деревянной лошади до расписания стирок и помывок, от этих кретинов толку, как от глиняного молотка, за каким чертом я вообще сюда попал, и вот, здарсьте-пожалуйста, тебя мне только и не хватало. Привет.”

Воин ткнул рукой в Сундук, который выжидательно распахнул крышку:

– Твое? – спросил он.

– В некотором роде, – осторожно ответил Ринсвинд. – Имейте в виду, у меня нет денег возместить весь ущерб, который он нанес.

– Экая удивительная штукавина, – заметил воин. – Мы нашли его, когда он загнал в угол и держал полсотни цортцев. Как ты думаешь, зачем он это делал?

Ринсвинд нашелся тут же:

– Он обладает чудесной способностью – чувствует, когда мне собираются причинить вред, – сообщил он и поглядел на Сундук, как глядят на злобного и пакостливого пса, который покусал десятки гостей и прохожих, а теперь изображает милого щеночка, катаясь на спине и подставляя полицейскому свое блохастое пузо.

– Вот, значит, как. – Воин, казалось, был не удивлен. – Магия, что ли?

– Она.

– Дерево особое, да?

– Ага.

– Хорошо, что мы эту трёпаную лошадь не построили из этого дерева.

– Очень хорошо.

– Достался он тебе тоже магическим образом, так?

– Так.

– Я так и понял. – Воин бросил Сундуку ещё один пирожок. – Сам откуда?

Ринсвинд решил открыться:

– Из будущего, – ответил он.

Нисколько не впечатленный, воин лишь кивнул:

– Ну, и как там? Мы победили?

– Победили.

– Здорово. Я так понимаю, результаты скачек каких-нибудь ты не помнишь? – спросил воин без особой надежды.

– Не помню.

– Да, кто их упомнит-то. Зачем ты открыл нам ворота?

Отчего-то Ринсвинду показалось, что ответ, будто он всегда был твердым сторонником эфебской геополитики, странным образом окажется неправильным ответом. Ринсвинд решил снова сказать правду. Это был новый для него подход, с которым стоило поэкспериментировать.

– Я искал выход, – ответил он.

– Чтобы убежать?

– Чтобы убежать.

– Похвально. Единственный разумный путь в сложившихся обстоятельствах.

Тут воин заметил Эрика, который во все глаза смотрел на командиров, горячо споривших вокруг стола.

– А ты, парень? – спросил он. – Когда вырастешь, станешь военным, да?

– Никак нет, сэр.

Лицо воина чуть посветлело.

– То-то, – сказал он.

– Я хочу стать евнухом, сэр, – продолжил Эрик.

Ринсвинд изумленно обернулся:

– Это зачем? – но сообразил в тот же момент, когда Эрик открыл рот, чтобы объяснить, – Евнух всю жизнь проводит в гареме, – произнесли они хором.

Капитан поперхнулся.

– Он ведь не твой ученик, правильно? – спросил он.

– Не мой.

– И что, никто ему не объяснил?

– Никто.

– Может, я попрошу кого-нибудь из центурионов с ним поговорить? Эти ребята обладают поразительным красноречием в некоторых вопросах.

– Было бы очень полезно, – согласился Ринсвинд.

Воин поднял свой шлем, вздохнул, кивнул сержанту и расправил складки своего плаща. Это был довольно поношенный плащ.

– Наверно, я должен вас отчитать, как следует, – сказал он.

– За что?

– Ну, вы нам испортили всю войну.

– Что значит “испортили”?

Воин вздохнул еще раз.

– Пойдемте-ка пройдемся. Сержант, можно вас и пару ваших ребят на несколько минут?

Над их головами просвистел булыжник из крепости наверху и разбился вдребезги о стену.

– Они там наверху не одну неделю могут так просидеть, – мрачно процедил воин. Они отошли в одну из улиц. Сундук терпеливо трусил за ними. – Лавэол меня зовут. А вас?

– Он мой демон, – заявил Эрик.

Лавэол приподнял бровь – выражение самого сильного удивления, на которое он был способен.

– Правда, демон? Ну, должно быть, и такие бывают. А он, значит, может попасть в любое место?

– Скорее, выбраться из любого места, – ответил Эрик.

– Это хорошо, – сказал Лавэол. Он остановился возле одного дома и принялся ходить взад-вперед, держа руки в карманах и постукивая по камням мостовой носками своих сандалий. – Кажется, вот здесь. Сержант?

– Здесь, сэр.

– Гляньте только на этих там, – говорил Лавэол, пока сержант и его бойцы выковыривали из мостовой булыжники. – Этих там, за столом. Храбрецы, что говорить, но все-таки... Слишком много позируют для статуй на триумфальных арках, слишком много времени тратят на то, чтобы историки не переврали их имена. Мы осаждаем этот город уже много лет. Они говорят – нужно больше солдат. Я так думаю, им это всё просто нравится. Но, в конце-то концов, на самом-то деле – какой смысл? Давайте уже покончим с этим и отправимся по домам. Вот что я думаю.

– Нашли, сэр! – воскликнул сержант.

– Вот и славно, – Лавэол даже не обернулся. – Итак... – он потер руки. – Давайте сделаем дело – и по койкам. Вы не составите мне компанию? Ваш питомец нам может пригодиться.

– А куда мы отправляемся? – спросил Ринсвинд недоверчиво.

– Поговорить кое-с-кем.

– Это опасно?

Булыжник с грохотом врезался в крышу соседнего здания.

– Да нет, не очень, – ответил Лавэол. – По сравнению с тем, где мы сейчас, я имею в виду. Но если эти там начнут штурм – по своему военному обыкновению...

Дыра в земле вела в туннель. Туннель, поизвивавшись вдоволь, привел к лестнице. Лавэол принялся подниматься, время от времени со злостью пиная обвалившиеся камни, словно имел против них что-то личное.

– Э-э, – спросил, помявшись, Ринсвинд. – А куда мы идем?

– А! Это просто тайный ход в цитадель.

– Знаете, а я вот так и подумал, – сказал Ринсвинд. – У меня чутье на такие

вещи. И я так думаю, что все главные цортцы будут там, наверху. Верно?

– Надеюсь, что будут, – ответил Лавэол, поднимаясь на ступеньку за ступенькой.

– И их стража тоже?

– Должно быть, с сотню.

– Хорошо обученные бойцы?

– Отборная гвардия, – кивнул Лавэол.

– А мы, значит, идем прямо туда, – вздохнул Ринсвинд, готовясь к самому ужасному, как человек, осторожно тыкающий в больной зуб.

– Так точно.

– Вшестером...

– Ну, ещё, конечно, этот ваш ящик.

– Ну, да, – согласился Ринсвинд, состроив гримасу, никому не видимую в темноте.

Сержант похлопал его по плечу и наклонился к уху:

– Да ты не сомневайся, – сказал он. – У нашего капитана лучшие военные мозги на всем континенте.

– Откуда вы знаете? Вы их видели? – поинтересовался Ринсвинд.

– Понимаешь, тут такое дело. Он всегда старается сделать дело так, чтобы никто не пострадал. Особенно он сам. Поэтому-то он и придумывает всякие штуки, вроде этого коня. Подкупает перебежчиков, всё такое. Прошлой ночью мы наткнулись на гражданских, пошли с ними, нарезались в пивной с одним из дворцовых уборщиков, и так узнали про этот ход.

– Ну, да, но все-таки, это же тайный ход! – не сдавался Ринсвинд. – Должна же быть охрана, стража на том конце?

– Да какое там. Они там держат ведра и швабры.

В темноте впереди раздался громкий стук и звон: Лавэол наступил на швабру.

– Сержант!

– Слушаю, сэр!

– Будьте добры, откройте дверь.

Эрик потянул Ринсвинда за рукав.

– Чего ещё? – спросил Ринсвинд недовольно.

– Ты же знаешь, кто такой этот Лавэол? – шепотом спросил Эрик.

– Ну, кто?

– Это же сам Лавэол!

– Не может быть.

– Ты что, вообще не знаешь классику?

– Это имя лошади, которое мы должны были вспомнить?

Эрик закатил глаза:

– Цорт пал только благодаря хитроумности Лавэола! – сообщил он. – Потом он десять лет добирался домой, у него были тысячи приключений, искушений, встреч с развратными колдуньями...

– Теперь понятно, почему ты так внимательно про него читал. Десять лет, значит... А где его дом-то?

– Примерно в двух сотнях миль отсюда, – прикинул Эрик.

– Топографический кретинизм, я так понимаю?

– ... А когда он вернулся, то сражался с женихами своей жены, а его пёс узнал его и умер.

– Вон оно как.

– Он умер от того, что пятнадцать лет носил в зубах его тапочки.

– Какая жалость.

– Но знаешь, что, демон? Ведь это всё ещё не случилось. Мы можем все это предотвратить!

Ринсвинд задумался.

– Сказать ему, чтобы для начала взял другого штурмана?..

Спереди послышался громкий скрип. Солдаты открыли дверь.

– Вперед, то есть, внутрь, то есть, ну, как там, чего надо командовать, – тихо сказал Лавэол. – Волшебный ящик, пожалуйста, впереди, остальные за ним. Никого не убивать без крайней необходимости. Постарайтесь там ничего не поломать. Ну, всё. Пошли.

Дверь выходила в обрамленный колоннами коридор. Откуда-то издалека слышались голоса.

Отряд крался вперед на звук, пока его не остановила тяжелая занавесь. Лавэол глубоко вздохнул, отодвинул занавесь, решительно шагнул вперед и произнес заранее заготовленную речь:

– Я буду говорить коротко и ясно, – сказал он. – Мне не нужны никакие неприятности. Поэтому не надо кричать “стража!” и всё вот это. Вообще не надо кричать. Мы просто забираем девушку и возвращаемся домой – туда, где, собственно, должны находиться все нормальные люди. В противном случае мне придется перерезать всех присутствующих, а мне бы этого очень не хотелось.

На слушателей эта речь не произвела большого впечатления – потому что единственный слушатель сидел на горшке и ковырялся в носу.

Лавэол на ходу сменил пластинку и продолжил:

– А если ты не расскажешь мне сейчас же, где все, я скажу сержанту, и он нашлепает тебя по попе.

Младенец вынул палец из носа:

– Мама пошла к тете Касе, – сказал он. – А ты дядя Огомемнон? Или ты нет?

– Скорее всего, нет, – ответил Лавэол.

– Дядя Огомемнон – кака, – пояснил младенец с видом ученого, завершившего длинное исследование. – Дядя Огомемнон – бяка.

– Сержант!

– Слушаю, сэр!

– Охраняйте ребенка.

– Слушаюсь. Капрал!

– Слушаю, сержант!

– Позаботьтесь о парне.

– Есть, сэр. Рядовой Архей!

– Здесь, капрал, – отозвался солдат голосом, полным предчувствий.

– Пригляди за козьявкой.

Рядовой Архей огляделся вокруг. Рядом с ним остались только Ринсвинд и Эрик. Штатские, конечно, во всех отношениях находятся в самом низу военной субординации, где-то после полкового осла, но выражения лиц этих двух намекали, что подчиняться приказам они не собираются.

Лавэол пересек зал, подошел к другой занавеси и прислушался.

– Мы же можем рассказать ему всё про его будущее, – шептал Эрик. – С ним же столько всего было... в смысле, будет! Кораблекрушения, колдовство, все его спутники превратились в зверей! Куча приключений!

– Ага. Мы можем ему посоветовать ехать по суше, – согласился Ринсвинд.

Занавесь с шелестом распахнулась.

За ней находилась женщина – дородная, симпатичная, хотя уже и миновавшая самый расцвет своей красоты. На ней было черное домашнее платье, и над верхней её губой пробивались чуть заметные усики. За её юбкой пытался спрятаться целый выводок детей самых разных размеров – Ринсвинд насчитал не меньше семи штук.

– Кто это? – спросил у него Эрик.

– Ну, – ответил Ринсвинд, – по всей вероятности перед нами Еленора Цортская.

– Не мели ерунды, – прошипел Эрик. – Это какая-то тетка. Еленора была гораздо моложе, и она была... – у Эрика перехватило горло, но он несколькими

взмахами рук очертил в воздухе фигуру женщины с формами, которые, скорее всего, не позволили бы ей удерживаться в вертикальном положении.

Ринсвинд отвел глаза от взгляда сержанта.

– Разумеется, – сказал он, вздохнув. – Разумеется. Ты совершенно прав, но, видишь ли, осада длилась довольно долго, не так ли? И это время не прошло даром.

– При чем тут осада? – не понял Эрик. – У классиков ничего не сказано ни про каких детей. У классиков сказано, что она день за днем бродила по стенам Цорта и чахла из-за разлуки со своим любимым.

– Ну, почахла, почахла да и перестала, – предположил Ринсвинд. – А на стенах по вечерам, должно быть, сильно дует.

– Недолго и простудиться, – кивнул сержант.

Лавэол внимательно оглядел женщину. Наконец он поклонился ей.

– Сударыня, вы, наверно, догадываетесь, зачем мы здесь? – спросил он.

– Только дотроньтесь до детей – я закричу, – ответила Еленора.

Лавэол снова продемонстрировал, что, при всех его талантах в стратегии и тактике, он никогда не упустит возможность произнести заранее приготовленную речь.

– О прекрасная, – начал он. – Множество опасностей преодолели мы, чтобы спасти тебя и вернуть к твоему возлюбленному... – тут он запнулся, – ...твоим возлюбленным родным и близким... Н-да. Что-то пошло не так, я понимаю?

– А что я могла сделать? – ответила Еленора. – Осада длилась столько лет, а царь Мавзолей был так добр и обаятелен... Мне вообще не очень-то нравилось в Эфебе.

– А где все? – спросил Лавэол. – Где цортцы? В смысле, остальные цортцы?

– На стенах. Бросают камни, если вам так интересно.

Лавэол в отчаянии воздел руки:

– Неужели нельзя было послать нам какую-нибудь записку? Пригласить на крестины какие-нибудь, например?

– Вы все были так заняты, – ответила Еленора.

Лавэол отвернулся от нее и мрачно пожал плечами.

– Ясно, – сказал он. – Понятно. Что и требовалось доказать. Отлично. Чего уж там. Я сам решил уехать из дома и провести десять лет, сидя в болоте с толпой меднолобых идиотов. А дома-то что хорошего? Ну, там, дворец, королевство, тоже мне занятие. Ясненько. Ну, что ж. Пожалуй, нам пора. Даже не знаю, как рассказать ребятам, – добавил он не без горечи. – Они так развлекались. Наверно, устроят пиршество, напьются и будут ржать надо всей этой историей, как кони. Это будет в их стиле.

Он повернулся к Ринсвинду с Эриком:

– Не расскажете, что будет дальше? – спросил он. – Наверняка вы знаете.

– Э-э-э... – замялся Ринсвинд.

– Город сгорит дотла, – сказал Эрик. – Особенно несогрешимые башни. Кстати, я так и не видел ни одной, – добавил он с грустью.

– А кто это сделает? Наши или не наши? – спросил Лавэол.

– Кажется, ваши, – ответил Эрик.

Лавэол вздохнул:

– Так на них похоже. – сказал он и обернулся к Еленоре. – Между прочим, парни – в смысле, наши парни – сожгут город дотла. Звучит очень по-геройски. Они такое любят. Может быть, это не такая плохая мысль – все-таки уйти с нами? Собери детей. Устроим им семейный поход на природу, а?

Эрик подтянул ухо Ринсвинда к своему рту:

– Это же какая-то шутка, да? – спросил он. – Она же на самом деле не Еленора, ты просто меня разыгрываешь, да?

– Горячая южная кровь, – ответил Ринсвинд. – С ними всегда так. После тридцати пяти резко теряют форму.

– Это все из-за спагетти, – подтвердил сержант.

– Но я же читал, что она была прекраснее всех...

– Ах, ты читал, – протянул сержант. – Ты больше читай, что попало. Грамотей.

– Понимаешь, – быстро вмешался Ринсвинд, – это называется художественное преувеличение. Кому интересно будет слушать про войну, развязанную из-за женщины, довольно миловидной и не лишенной некоторой привлекательности?

Эрик был готов расплакаться.

– Там же было написано, “Вот этот лик, что тысячи судов / Гнал в дальний путь”...

– А это называется метафора, – объяснил Ринсвинд.

– В смысле, вранье, – перевел сержант.

– Как бы там ни было, не стоит верить всему, что написано у классиков, – добавил Ринсвинд. – Они никогда не проверяют то, что пишут. Их задача – продать легенду.

Тем временем Лавэол закончил жаркий спор с Еленорой:

– Ладно. Всё, – сказал он. – Хочешь оставаться – оставайся. Какое мое дело? Парни, уходим отсюда. Рядовой Архей, что вы делаете?

– Я лошадка, – объяснил солдат.

– Он дядя кака! – подтвердил младенец, напяливший на себя шлем рядового

Архея.

– Когда снова станете человеком, найдите нам, пожалуйста, лампу. Я пребольно ушиб колено в этом ходе.

Над Цортом ревело пламя. Весь небосвод в сторону Пупа пылал алым.

Ринсвинд и Эрик смотрели туда, сидя на большом камне на берегу моря.

– И никакие они не несогрешимые, эти башни, – сказал наконец Эрик. – Где там вообще можно было грешить и с кем? Не понимаю.

– Несокрушимые они, – поправил Ринсвинд. – Хотя и это тоже оказалось неверно.

Как раз в этот момент одна из башен рухнула в развалины города, подняв тучи искр.

Некоторое время они снова посидели молча. Потом Эрик сказал:

– Как все-таки странно всё вышло. Ну, что ты споткнулся об Сундук и уронил лампу, и все как вспых...

– Ага. – выдавил Ринсвинд.

– Поневоле подумаешь, что история свершится так или иначе, как ты ни...

– Ага.

– Хорошо ещё, что твой сундук всех спас.

– Ага.

– Как забавно все эти дети ехали на его спине!

– Угу.

– Но вроде все довольны...

Во всяком случае, довольны были воины противоборствующих армий. Гражданских никто не спрашивал – что они вообще понимают в военном деле? Солдаты – по крайней мере, низших чинов – хлопали друг друга по спине, рассказывали анекдоты, менялись щитами и, вспоминая высадки десанта, пожары, штурмы, деревянных коней и всё остальное, в целом сходились в мнении, что война вполне удалась. Нестройное пение разносилось над винноцветным морем.

– Слышите? – спросил Лавэол, выходя из-за вытащенных на песок эфебских кораблей. – Сейчас затянут все пятнадцать куплетов “Поручика Филодельфа на балу”¹⁹, попомните мое слово. Толпа кретинов с мозгами в гульфиках.

---

¹⁹ Оригинал, согласно исследованиям ученых комментаторов, намекает на песню [“Бал в Кирримьюоре”](#), она же “Сбор всех кланов”, авторство которой – безосновательно, я уверен – приписывали Роберту Бернсу. Настоящие слова этой песни никак не могут быть напечатаны в книге, которая может попасть в руки детям. (прим. перев.)

Лавэол тоже присел на камень.

– Сволочи несчастные, – сплюнул он на песок.

– Интересно, как Еленора все объяснит своему возлюбленному? – подумал вслух Эрик.

– Уж как-нибудь да объяснит, – отозвался Лавэол. – Они это умеют.

– Но она же вышла замуж! Родила столько детей!

– Мимолетное увлечение, – пожал плечами Лавэол. Потом он многозначительно посмотрел на Ринсвинда. – Эй, демон! Можно тебя на пару слов?

Он повел Ринсвинда к кораблям, шагая по мокрому песку тяжело, как человек с камнем на сердце.

– Этой ночью с отливом я уплываю домой, – сказал он наконец. – Тут торчать больше нет смысла. Всё. Война окончена.

– Отличный план.

– Что я ненавижу, так это дальние плавания, – продолжал Лавэол. Он пнул ближайший корабль ногой. – Толпа идиотов бегаёт вокруг тебя и орёт: поднять то, стравить это, прямо руля, криво руля. Вдобавок у меня морская болезнь.

– А у меня – боязнь высоты, – сочувственно заметил Ринсвинд.

Лавэол пнул корабль ещё раз. Он явно боролся с желанием что-то спросить.

– Такое дело... – выдал он из себя наконец. – Ты случайно не знаешь, доберусь ли я до дома без проблем?

– Каких проблем?

– Тут всего несколько сот миль, не должно занять много времени, так ведь? – спросил Лавэол, излучая тревогу, как большой маяк.

– Ну-у... – Ринсвинд поглядел в лицо воина. Десять лет, подумал он. Всевозможные напасти, крылатые эти, как их, всякие морские чудища. С другой стороны, ну, допустим, он будет знать. Чем это ему поможет?

– Доберешься ты до дома, – сказал Ринсвинд. – Это будет славное странствие. Кучу легенд рассказывают про твое возвращение домой.

– Ф-фух! – Лавэол откинулся на покатый борт корабля, снял шлем и вытер вспотевший лоб. – Не передать, как полегчало. Я боялся, что боги на меня обиделись.

Ринсвинд молчал.

– Не любят они, когда кто-то придумывает всякие хитрости, деревянных коней и потайные ходы. Они у нас такие консерваторы. Им больше нравится, когда люди просто рубят друг друга на куски. А я думал, если показать людям, что можно добиваться своего, но более простым способом – может, они будут не такими тупыми?

Шум прибоя перекрыло донесшееся издали мужское хоровое пение:

– Как во храме в Гелиоделофилодельфиворхоменах... Двадцать две весталки... Положили на весы...

– Это так не работает, – вздохнул Ринсвинд.

– Но попробовать ведь все равно стоит! Или нет?

– Стоит. Наверно...

– Ладно, не расстраивайся, – Лавэол хлопнул Ринсвинда по спине. – Хуже-то уже не будет! Только лучше!

Они прошли по темному волнолому, возле которого на якоре качался кораблик Лавэола. Ринсвинд видел, как тот прыгнул в воду, доплыл до корабля и взобрался на борт. Потом выставили – или вставили, Ринсвинд не знал точно, как это называется – весла, и корабль медленно вышел из бухты в открытое море.

Бриз донес над волнами несколько фраз:

– Сержант! Плыть туда, куда показывает острый конец стрелки. Острый!

– Слушаюсь, сэр!

– Да не кричи ты. Я что, приказал тебе кричать? Чего вы все вечно кричите? Всё, я пошел в каюту. Прилягу наконец.

Ринсвинд вернулся на берег.

– Беда в том, – сказал он, – что лучше никогда не бывает. Всё всегда одно и то же, только всё больше и больше. Но у него хватит проблем и без этого.

Стоявший сзади него Эрик хлопнул носом.

– В жизни не слышал ничего печальнее, – сказал он.

Где-то вдалеке на пляже армии эфебян и цортцев все ещё сидели вокруг пиршественных костров и выводили:

– Полюбите гипасписта... Быстро-быстро, очень быстро...

– Ну, ладно, – сказал Ринсвинд. – Пора домой.

– А ты понял про его имя? – спросил Эрик, когда они зашагали по песку вдоль прибоя.

– Нет, а что с ним?

– Лавэол означает “полоскатель ветров”!²⁰

Ринсвинд остановился:

– То есть – он мой предок? – промолвил он.

---

²⁰ В переводе с греко-латинского. *Rinsewind* означает то же самое по-английски. Назвать столь славного героя именем вроде *Ветролок* я не смог – как и назвать Лавэола *Виндринсеем*, что оказалось по силам г-же И.Кравцовой. Решение этой задачи мы оставляем читателю в качестве упражнения. (Прим. перев.)

– Кто знает? – ответил Эрик.

– Ох ты. Надо же. – Ринсвинд задумался. – Надо было хотя бы сказать ему, чтобы не женился. И чтобы никогда не ездил в Анк-Морпорк!

– Да ведь Анк-Морпорк ещё даже не построен...

Ринсвинд попробовал щелкнуть пальцами.

И на этот раз получилось.

Астфгль откинулся в кресле. Ему стало интересно, что же случилось с Лавэолом.

Боги и демоны, будучи существами вневременными, не плывут по течению времени, как щепки по ручью. Для них все происходит одновременно. Это, в принципе, должно означать, что они знают всё, что должно произойти, потому что оно в некотором смысле уже произошло. Но они не знают – потому что реальность очень большая, в ней творится огромное количество интересных вещей, и следить за всем, что в ней творится, все равно что пользоваться очень большим видеоманитофоном, у которого нет ни счетчика, ни кнопки “стоп”. Обычно остается только сидеть, смотреть и ждать.

Надо будет как-нибудь сходить поглядеть.

А вот здесь и сейчас – насколько эти слова применимы к находящемуся вне времени и пространства – дела шли неважно. Эрик становится все более и более симпатичным. Ещё немного, и это станет совершенно неприемлемо. Он также, кажется, изменил ход истории – а это вообще невозможно, потому что курсом истории можно только следовать.

Требовалось принять критические меры. Что-нибудь по-настоящему душераздирающее.

Царь демонов вдруг понял, что крутит свой ус.

Когда щелкаешь пальцами, то никогда не знаешь, к чему это приведет.

Ринсвинда окружала тьма. Это было не отсутствие света – это была такая тьма, которая напрочь отрицала всякую возможность существования какого-либо света.

Он не касался никакой поверхности – похоже, он висел в пустоте. Не хватало ему и чего-то ещё, но он никак не мог понять, чего именно.

– Эрик, ты здесь? – позвал он.

– Здесь. А ты здесь, демон? – отозвался голос откуда-то поблизости.

– Здесь я. Вроде.

– Где мы? Мы падаем?

– Не похоже, – ответил Ринсвинд со знанием дела. – Нет свиста в ушах. Когда падаешь, ветер в ушах свистит. И вся твоя жизнь проносится перед глазами, а я что-то не вижу ничего знакомого.

– Ринсвинд!

– Чего?

– Я говорю, а звук не выходит!

– Что за... – Ринсвинд осекся. Он тоже не издавал ни звука. Он знал, что говорит, но слова не появлялись во внешнем мире. В то же время, он слышал Эрика. Должно быть, слова появлялись прямо в голове, минуя уши.

– Какая-то магия, наверно, – предположил он. – Тут нет воздуха, поэтому нет и звука. Обычно маленькие частички воздуха стучаются друг об друга, как каменные шарики, и так получается звук. Понимаешь?

– Что, правда?

– Значит, вокруг нас вообще ничего нет, – заключил Ринсвинд. – Совершенно ничего. – Ринсвинд задумался. – Есть же такое слово. Как-то это называется, когда ничего не осталось и все кончилось.

– Есть. Кажется, это называется банкрот.

Ринсвинд попробовал это слово. Звучало оно как будто верно.

– Ну, пусть будет так, – согласился он. – Банкрот. Вот где мы сейчас. Висим в полном банкротстве. Полном, абсолютном, чистом банкротстве.

Астфгль был в бешенстве. Его заклинания могли найти кого угодно, где угодно и когда угодно – но этой парочки не нашлось нигде. Только что он видел их на морском берегу, и вдруг – нету!

Значит, есть только два варианта.

К счастью, он начал не с того.

– Хоть бы несколько звездочек, – вздохнул Эрик.

– Что-то здесь не так, – сказал Ринсвинд. – Вот, слушай, ты чувствуешь холод?

– Нет.

– А тепло?

– Тоже нет. Я как-то вообще ничего не чувствую.

– Ни тепла, ни холода, ни света, ни воздуха, – подытожил Ринсвинд. –

Сплошной банкрот. И давно мы здесь?

– Не знаю. По ощущениям целую вечность, но...

– Вот! Похоже, что времени здесь тоже нет. Настоящего времени, я имею в виду. Только такое время, которое люди проводят вместе.

– Хм! Не ожидал тут кого-то встретить, – произнес голос возле самого уха Ринсвинда.

Голос был тонкий и нудный – таким голосом обычно жалуются – но, по крайней мере, в нем не звучала угроза. Ринсвинд попытался повернуться кругом.

За его спиной сидел, скрестив ноги, небольшой человек с длинным носом. За ухом его торчал карандаш.

– Ой! Здравствуйте, – поздоровался Ринсвинд. – А, собственно говоря, тут – это где?

– Да нигде. В том-то и дело.

– Совсем нигде?

– Пока что так.

– Пока что? – переспросил Эрик. – А когда будет где-нибудь?

– Сложно сказать, – ответил человек. – Глядя на вас и учитывая разные факторы, скорость обмена веществ и всё такое, я бы сказал, что где-нибудь появится через, ну, скажем, секунд пятьсот. – Человек принялся разворачивать на коленке какой-то сверток. – Может, по бутерброду, пока ждем?

– А как бы мне тогда... – но тут желудок Ринсвинда, осознав, что останется ни с чем, если позволит мозгу продолжать планировать бегство, перехватил управление и заставил Ринсвинда спросить: – А с чем бутерброд?

– Откуда мне знать? А с чем вы хотите?

– То есть?

– Не умничайте. Просто скажите, с чем вы хотите, чтобы он был.

– Вот как? – Ринсвинд с подозрением смотрел на человека. – Ну, если у вас найдется с яйцом и кресс-салатом...

– Да будет с яйцом и кресс-салатом! Как-то так, – произнес человек, развернул сверток и протянул треугольник белого хлеба Ринсвинду.

– Ишь ты, – удивился Ринсвинд. – Какое совпадение!

– С минуты на минуту начнется, – сказал человек. – Вон там. Понятно, не то, чтобы тут уже были какие-то стороны, но – вон в той стороне.

– Я вижу только темноту, – заметил Эрик.

– А вот и нет! – торжествующе возразил человек. – Ты видишь то, что было, пока не появилась темнота. Как-то так. – Человек неодобрительно поглядел на пред-темноту. – Ну, давайте уже! – сказал он. – Сколько можно ждать-то, а?

- Ждать чего? – спросил Ринсвинд.
- Всего.
- Всего чего? – не унимался Ринсвинд.
- Всего всего. Не чего-то. Вообще всего. Как-то так.

Астфгль вглядывался в вихри газовых облаков. По крайней мере, он попал в правильное место. Вся суть конца света и состоит в том, что мимо него не проскочишь.

Последние угольки мигали и гасли. Время и пространство тихо свивались и сворачивались в точку.

Астфгль поежился. Как все-таки одиноко чувствуешь себя иногда в двадцати миллионах световых лет от дома.

– Есть тут кто-нибудь? – спросил он вслух.

– Есть.

Голос раздался у самого его уха. Даже царь демонов может вздрогнуть от неожиданности.

– А кроме тебя? – спросил он. – Ты тут никого не встречал?

– ВСТРЕЧАЛ.

– Кого?

– ВСЕХ.

Астфгль поморщился:

– Я имею в виду, в последнее время?

– В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ БЫЛО СОВСЕМ ТИХО, – ответил Смерть.

– Проклятье!

– Ты ожидал найти кого-то другого?

– Ожидал. Одного типа по имени Ринсвинд. Только... – начал было Астфгль.

Глазницы Смерти полыхнули красным:

– Волшебника? – уточнил он.

– Нет, он дем... – но тут Астфгль осекся. На время, которое заняло бы несколько секунд, если бы время еще существовало, его охватило ужасное подозрение. – Как? Он человек? – взревел Астфгль.

– В широком смысле слова, на мой взгляд – но в принципе верно.

– Будь я проклят! – прошептал Астфгль.

– По-моему, ты и так уже...

Царь демонов вытянул дрожащую руку. Ярость, овладевающая им, взяла верх над чувством стилиа: острые кривые когти прорвали красные шелковые перчатки.

Затем – потому что никогда не стоит злить того, у кого в руках большая острая коса – Астфгль пробормотал “Прости, что побеспокоил” и исчез. Только решив, что он достаточно далеко, и Смерть с его исключительно чутким слухом его не слышит, он дал волю своему гневу.

Ничто развернулось во всю свою бесконечную длину по безжизненным просторам конца времен.

Смерть ждал. Время от времени он звонко постукивал пальцами по рукояти своей косы.

Вокруг него колыхались волны мрака. Уже и бесконечности больше не было.

Смерть начал было насвистывать – сквозь зубы – мотивчик какой-то давно забытой всеми песенки, но пустота не проводила звук.

Вечность кончилась. Пересыпались все песчинки. Великое состязание между энтропией и энергией подошло к концу, и фаворит стал наконец победителем.

Не поточить ли снова косу? Да нет, не нужно.

Незачем.

Просторы абсолютного ничто уходили в то, что можно было бы назвать далью, если бы еще существовали векторы пространства-времени, и слово “даль” имело бы физический смысл.

Делать было практически нечего.

– Ну, что ж. Пора на покой, – подумал Смерть.

Он повернулся, чтобы уйти, но в этот момент услышал тихий-тихий звук. Точнее, по отношению к звуку это было примерно то же, что фотон по отношению к свету – шорох такой слабый, что непременно потерялся бы на фоне шума работающей вселенной.

Это появился маленький фрагмент материи. Смерть нагнулся над точкой, в которой это произошло, и пригляделся.

Это была маленькая скрепка.²¹

Ну, хоть что-то.

Ещё один тишайший хлопок, и в вакууме повисла, медленно покачиваясь, маленькая белая пуговица от воротничка.

Смерть немного успокоился. Конечно, процесс займет некоторое время. Не сразу все усложнится настолько, чтобы возникли газовые облака, галактики, планеты и континенты, не говоря уже о маленьких, напоминающих штопор, созданиях, что копошатся в мутной воде и размышляют, стоит ли вся эта эволюция того, чтобы мучительно отрачивать себе плавники, конечности и прочую ерунду. Но процесс пошел, и его уже не остановить.

Все, что требовалось от него теперь – это ждать, а ждать он умел. Скоро, скоро появятся живые существа, они начнут развиваться, как сумасшедшие, бегать и смеяться под лучами молодого солнца. Потом они устанут. Состарятся...

Смерть сел. Он умел ждать. Когда будет нужно – он придет к ним.

Вселенная началась.

Всякий появившийся в ней ученый расскажет вам, что самые интересные дела творились в первые две-три минуты, когда ничто разлеталось во все стороны, образуя собой пространство и время, когда зародились кучи мельчайших черных дыр, и тому подобное. Потом-то, говорят эти ученые, все пошло-поехало само, по инерции. А теперь и вовсе всё уже кончилось, осталась одно реликтовое микроволновое излучение.

В непосредственной близости это событие производило невероятно сильное впечатление.

Человечек сморщил нос:

---

²¹ Многие считают, что это должна была быть молекула водорода. Но это противоречит наблюдаемым фактам. Любой, кто когда-нибудь пытался открыть несчастный ящик буфета, который заклинило невесть откуда взявшимся там венчиком для взбивания яиц, знает, что материя появляется во вселенной непрерывно и сразу в весьма развитых формах – обыкновенно в пепельницах, вазах и отделениях для перчаток. Эти формы материя выбирает, чтобы отвлечь от себя подозрения, поэтому самые распространенные проявления этого феномена – это канцелярские скрепки, булавки от магазинных упаковок новых рубашек, гайки и винтики неизвестного назначения, огрызки карандашей, таинственные приспособления для обрезки растений и ранние альбомы Кейт Буш. Почему материя действует именно так, нам неизвестно, но совершенно очевидно, что материя имеет свои виды.

Также совершенно очевидно, что создатели вселенных иногда предпочитают создавать их методом Большого Взрыва, но иногда выбирают более консервативные методы Непрерывного Созидания. Это вполне согласуется с исследованиями ведущих космологов о том, что Большой Взрыв может вызвать у вселенной серьезные психологические проблемы в период взросления.

– Слишком пафосно, – сказал он. – Большой Взрыв! К чему такой грохот? С тем же успехом можно было бы устроить Большой Пук. Или музыку какую-нибудь.

– Можно было? – спросил Ринсвинд. – Разве?

– Да конечно. И ещё на второй пикосекунде, помните? – крайне сомнительный момент. Халтура. Но так уж теперь заведено. Утрачено былое мастерство. Когда я был помоложе, создать мир занимало несколько дней. И этим миром можно было гордиться. А теперь скинули все в кучу – и по коням. И знаете, что?

– Нет, – пробурчал Ринсвинд.

– Они же теперь экономят – берут готовые блоки. Находят кого-то, кто хочет чуть-чуть расширить свою вселенную, хоп – и вот она уже у них, с небосводом и всем прочим, и они гонят ее где-то расширяться.

Ринсвинд внимательно посмотрел на человечка:

– Вы вообще кто?

Человечек вынул из-за уха карандаш и оглядел космос вокруг Ринсвинда.

– Создатель я, – ответил он.

– Что создаете?

– А что вам нужно?

– Так вы – Создатель? – осенило Ринсвинда.

Человечек, казалось, смутился:

– Не “Создатель”. Какой я Создатель. Просто – создатель. На большие проекты я не подписываюсь – звездные системы, газовые гиганты, пульсары, вот это всё. Моя специальность, скажем так, по-простому – индивидуальные заказы. – Человечек глянул на слушателей с гордостью. – Я создаю свои деревья, например, – сообщил он. – Это искусство. Годами надо учиться, чтобы создать дерево. Хотя бы хвойное.

– Правда? – посочувствовал Ринсвинд.

– Без помощников работаю, сам свои проекты довожу. Никаких субподрядов, вот мой девиз. Все равно глаз да глаз нужен за этими придурками. Звезду толком воткнуть не могут. – Человечек вздохнул. – Знаете, люди ведь думают, что это дело плевое – творение, в смысле. Думают, носишься себе над водами, машешь руками – и все. Какое там!

– Что вы говорите!

Человечек снова почесал нос.

– Ну вот сколько вы можете придумать разных снежинок?

– Ого!..

– Поневоле ведь подумаешь: отчего бы не впихнуть немного таких, какие уже

были?

– И вы впихиваете?

– Подумаешь ведь: да их же биллион триллионов фиглиардов, кто заметит-то? Но вот тут-то и проявляется профессионализм. Как-то так.

– И проявляется?

– Люди, – тут создатель сердито глянул на бесформенные вихри материи, все еще стремительно проносящиеся мимо, – люди думают, что достаточно прописать десяток основных физических законов, и можно брать деньги и отчаливать. А через миллиард лет у пользователя утечки по всему небу, черные дыры размером с голову, он давай молиться, а отвечает ему какая-то блондинка, которая понятия не имеет, когда начальство вернется. Нет, люди – они любят, когда душу вкладываешь, так ведь?

– То есть, – задумался Ринсвинд, – когда кого-нибудь ударит молния – так это не из-за всего этого атмосферного электричества, кратчайшего пути разряда и так далее? Это потому, что... Потому, что ты так сделал?

– Да причем тут я? Я же не веду проект. С меня довольно его построить – я должен ещё его сопровождать? Вселенных хватает, знаете ли, – добавил он, махнув рукой. – У меня список заказов длиннее твоей ноги.

Человечек сунул руку под себя и вытащил огромную книгу в кожаном переплете, на которой он, по всей видимости, до сих пор сидел. Книга со скрипом раскрылась.

Кто-то подергал Ринсвинда за рукав.

– Слушай, – спросил Эрик, – не может же быть, что это прямо вот, ну, Он?

– По его словам, вроде как может, – ответил Ринсвинд.

– А что мы здесь делаем?

– А откуда мне знать?

Создатель бросил на них сердитый взгляд:

– Можно немного тишины? – спросил он.

– Но погоди, – шепотом продолжал Эрик. – Если это вот Он действительно создал наш мир, то этот бутерброд – это же святыня!

– Ну, здрасьте вам, – огорчился Ринсвинд. Он не ел уже целую вечность. Какая кара полагается за съедение святыни, он не знал, но предполагал, что суровая.

– Можно построить для него храм где-нибудь, и миллионы будут приходить посмотреть на него!

Ринсвинд осторожно снял верхний кусок хлеба:

– Э, да он без майонеза, – протянул он. – Все равно святыня, да?

Создатель тем временем откашлялся и принялся читать вслух.

Астфгль несся вдоль градиента энтропии – маленькая яростная красная искорка на фоне межпространственных вихрей. Он был так зол, что терял последние остатки стиля: от его щегольской шапочки с заливчатскими рожками остались лишь алые тряпочки на огромных витых рогах, украшавших его череп. С неприятным треском красный шелк на его спине треснул, и развернулись крылья. Крылья эти принято считать кожаными, но никакая кожа не продержалась бы дольше пары секунд в окружавшей его среде. К тому же, кожаные крылья плохо складываются. Эти крылья были из магнетизма и свернутого пространства. Сквозь них можно было различить происходящее вокруг, и взмахи их были неторопливы, как развитие цивилизации.

Но они все же были похожи на крылья летучей мыши. Дань традиции.

Где-то на двадцать девятом тысячелетии его обогнало, не обратив на него никакого внимания, что-то небольшое, сундукообразное и ещё более сердитое, чем он.

Восемью заклинаниями создан мир. Это Ринсвинд знал очень хорошо. Он знал, что книга, в которой они записаны, называется “Октаво”, потому что она хранилась в библиотеке Развидимого Университета. Во времена Ринсвинда ее держали в кованом железном ящике на дне глубокой шахты, пробитой специально для того, чтобы задерживать ее магические эманации.

Ринсвинд задумывался иногда, как же всё это было. Он представлял себе что-то вроде взрыва наоборот – межзвездный газ с ревом уплотнялся, чтобы возник Великий А-Туин. По крайней мере, уж грохот-то должен был быть.

Вместо этого послышался тихий, даже музыкальный звук, и там, где должен был быть Плоский Мир, возник Плоский Мир, словно до сих пор он где-то прятался.

Ринсвинд также вдруг понял, что чувство падения, с которым он только что научился жить, станет вот-вот чувством, с которым ему придется умереть. Едва возникнув под ним, Диск принес с собой бесплатное приложение – гравитацию. Доступно в ассортименте, действительно только до конца времен, требуйте у ближайшего массивного небесного тела.

И, как обычно в таких случаях, он сказал на это лишь:

– А-а-а-а-а-а!

Рядом с ним, продолжая сидеть на пустом месте, появился создатель.

– Как тебе облака? – спросил он. – Симпатично вышло, не правда ли?

– А-а-а-а! – повторил Ринсвинд.

– Что такое? Что-то не так?

– А-а-а!

– Люди, люди, – вздохнул создатель. – Вечно куда-то несутся. – Он придвинулся поближе. – Не мое дело, разумеется, но мне всегда хотелось узнать, что творится у вас в голове?

– Через минуту в ней окажутся мои ноги! – завопил Ринсвинд.

Падающий рядом Эрик подергал его за штанину:

– Кто так разговаривает с создателем вселенной? – прокричал он. – Просто скажи ему, чтобы сделал что-нибудь! Сделал землю помягче, например...

– О, я прямо не знаю, можно ли это сделать, – отозвался создатель. – Не нарушит ли это причинно-следственные связи. Инспектор обрушится на меня, как... как... как обвал. Я бы, наверно, мог направить вас в какое-нибудь достаточно жидкое болото, – добавил он. – Или вот зыбучие пески, очень модная штука. Зыбучий песок, болото, трясина – это можно, без проблем.

– ...! – сказал Ринсвинд.

– Вам придется говорить погромче. Слух у меня уже не тот. Погодите-ка...

Снова послышался мелодичный звон.

Когда Ринсвинд открыл глаза, он стоял на песчаном берегу. Рядом стоял Эрик. Создатель парил неподалеку.

Свиста в ушах не было. Ринсвинд даже не ушибся.

– Я, знаете ли, поигрался немного с ускорением свободного падения и суперпозициями, – пояснил создатель, заметив выражение на его лице. – Так что вы говорили?

– Что очень не хочется разбиться в лепешку, – ответил Ринсвинд.

– А, отлично. Значит, этот вопрос мы решили. – Создатель рассеянно посмотрел по сторонам. – А вы не видели тут где-то мою книгу? По-моему, она была у меня в руках. – Создатель вздохнул. – Так скоро голову забуду. Один раз создал целый мир и совершенно забыл про фигню. На складе тогда ее не было, ну, я и решил, что вставлю потом, когда завезут – и напрочь забыл. Представляете? Никто, конечно, внимания не обратил, потому что они же только-только появились там, откуда им было знать, что у них должна быть фигня. Но на самом деле у них начались серьезные психологические проблемы. В глубине души-то они чувствовали, что чего-то не хватает. Вот как-то так... – Тут создатель одернул себя. – Ну, ладно, что я разболтался-то. Время не ждет, – сказал он. – Работы полно.

– Полно? – переспросил Эрик. – Я думал, мир только один.

– Да какое там. Их тонны! – воскликнул создатель, медленно тая. – Это ж квантовая механика! Нельзя просто взять и что-то сделать раз и навсегда. Оно же все ветвится. Степени свободы – вот как это называется, и это как убирать ... как

убирать... ну, как убирать снег в метель²². Легко вам говорить – поменяй одну маленькую деталь. А какую? Вот где собака зарыта. Ну, ладно. Приятно было познакомиться. Понадобится что-нибудь – ну, там, ещё одну луну добавить, мало ли...

– Эй, простите!

Создатель появился снова. Брови его были приподняты в вежливом вопросе.

– А что теперь будет? – спросил Ринсвинд.

– Что будет? Ну, я так думаю, скоро объявятся какие-нибудь боги. Эти всегда легки на помине. Как мухи на... на... в общем, как мухи. Они, конечно, народ бестолковый поначалу, но со временем остепеняются. Надо думать, они и позаботятся о людях, и так далее, и тому подобное. – Создатель наклонился к Ринсвинду и понизил голос. – Люди мне никогда особенно не удавались. Все эти руки, ноги... Не мое это.

И создатель исчез.

Ринсвинд с Эриком подождали.

– На этот раз, по-моему, он насовсем ушел, – сказал наконец Эрик. – Такой славный!

– Да уж... После общения с ним становится понятнее, почему мир у нас вот такой, – заметил Ринсвинд.

– А что такое квантовая механика?

– Чтоб я знал. Наверно, мастерская, где чинят кванты.

Ринсвинд оглядел свой бутерброд с яйцом и салатом, который он так и держал в руке. Майонеза в нем так и не появилось, и хлеб малость размок, но Ринсвинд понимал, что другой хлеб появится не раньше, чем через тысячи и тысячи лет. Понадобится переход к производящей экономике, одомашнивание животных, эволюция от примитивного галечного рубила до стального хлебного ножа, развитие молочного скотоводства и – если, конечно, подойти к вопросу серьезно – уход за масличными деревьями, выращивание перца, выпаривание соли, ферментация уксуса и другие пищевые технологии, прежде чем миру будет явлен другой такой бутерброд. Этот был уникален. Он был совершенно не ко времени здесь – маленький белый треугольник не существующих еще вещей, такой одинокий и чужой в этом враждебном ему мире.

Ринсвинд собрался с духом и откусил кусок. На вкус бутерброд оказался тоже так себе.

– И все-таки, чего я не понимаю, – промолвил Эрик, – так это зачем мы здесь?

---

²² Читателям, знакомым с оригиналом, в котором значится “it’s like painting the - painting the - painting something very big that you have to keep on painting” придется объяснить, что на выбор мною метафоры повлиял [комментарий](#), который поясняет, что автор намекает здесь на поговорку, описывающую покраску моста через Форт – моста, что соединяет Северный Квинсферри с Южным Квинсферри в окрестностях Эдинбурга. Мост этот такой длинный, что когда заканчивают красить один его конец, уже пора начинать снова красить другой. (Прим. перев.)

– Надо думать, ты спрашиваешь не в философском смысле? – уточнил Ринсвинд. – На самом деле ты хочешь спросить, зачем мы оказались в самом начале мира, на этом вот песке, по которому ещё не ступала ничья нога?

– Да, именно это я и хотел спросить.

Ринсвинд прилег, опираясь о скалу и вздохнул:

– Но это же ясно, как день! Ты хотел жить вечно?

– Хотел! Но причем тут путешествие во времени? – возмутился Эрик. – Я совершенно четко сформулировал. Что за фокусы?

– Никаких фокусов. Просто желание должно исполниться в точности. Ну, сам подумай. “Вечно” – это же значит “всегда”. На всем протяжении времени. Понял теперь?

– Ты хочешь сказать, что для этого надо было начать с нуля?

– Совершенно верно.

– Но это же ужасно! Это же сколько лет пройдет, пока появится хоть кто-то ещё!

– Века, – ответил Ринсвинд мрачно. – Тысячелетия. Много ипох²³. Вот тогда начнется – войны, маньяки, всё такое. Большая часть истории – довольно мрачная штука, если приглядеться. Да даже если и не особенно приглядываться.

– Но я же имел в виду, чтобы жить вечно от сейчас! – воскликнул Эрик. – В смысле, от тогда. Ты сам посмотри вокруг! Никаких девушек! Никаких людей вообще! Что здесь делать в пятницу вечером?

– Да тут и пятницы-то ещё тысячи лет не будет, – подначил Ринсвинд. – Хорошо, хоть вечер уже есть.

– Верни меня обратно сию же минуту, – закричал Эрик. – Слушай и повинуйся!

– Ещё раз заговоришь со мной таким тоном – я тебе уши надеру, – пообещал Ринсвинд.

– Тебе же только пальцами щелкнуть!

– Ничего не получится, дружок. Три желания ты уже потратил. Прости, но это всё.

– А что же мне делать?

– Хм. Ну, если увидишь, как что-то вылезает на сушу и пытается научиться дышать – скажи ему, чтоб не мучилось зря.

– Очень смешно, да?

---

²³ По неизвестной никому причине Ринсвинд неправильно выговаривает слово “эпоха”. Этот феномен отмечен и в других книгах, до которых я, буде на то воля неба, тоже когда-нибудь доберусь. (прим. перев.)

– Ну, вообще довольно забавно, ничего не скажешь, – подтвердил Ринсвинд

– Думаю, со временем тебе станет не так весело, – прошипел Эрик.

– Чего?

– Ну, ты же никуда не денешься, верно? Ты же останешься со мной.

– Вот ещё! Да я сейчас...

Ринсвинд в отчаянии огляделся вокруг.

Ну, и что я сейчас? – подумал он.

Морские волны набегали на песок – еще не очень уверенно, пробуя и нащупывая путь. Осторожно надвигался первый прилив. Линии прибоя, полосы гниющих водорослей и пустых раковин, которая показала бы ему, докуда доходить, ещё не было. Воздух был чистый, не имеющий ещё никакого понятия об испарениях лесной подстилки или устройстве пищеварительной системы крупного жвачного.

Ринсвинд вырос в Анк-Морпорке. Он предпочитал воздух, который повидал мир и покрутился в обществе – воздух обжитой и бывалый.

– Да, надо возвращаться, – решительно сказал Ринсвинд.

– Вот и я о том же говорю, – напомнил Эрик.

Ринсвинд ещё откусил от бутерброда. Он столько раз смотрел в лицо смерти – точнее, Смерть столько раз смотрел ему в быстро удаляющуюся спину – но перспектива жить вечно ему отчего-то не улыбалась. Конечно, перед ним теперь открывалась возможность найти ответы на все волнующие вопросы бытия – например, как зародилась жизнь, и что случилось с ней потом – но если этим придется заниматься все свободное время до конца вечности, то такое времяпрепровождение в подметки не годится неспешной прогулке по улочкам вечернего Анка.

Хотя – он ведь нашел своего предка. Предок, знаете ли, на дороге не валяется. Не у каждого вообще есть предки. Вот что бы сделал его предок на его месте?

Прежде всего, он бы на нем не оказался.

Это, конечно, само собой, но все же?

Первым делом он пустил бы в ход свою великолепную военную смекалку и изучил бы, что он имеет под рукой. Вот что он сделал бы.

И чем же мы располагаем? Раз: недоеденный бутерброд с яйцом и салатом. Польза от него – никакая. Ринсвинд отшвырнул бутерброд.

Два: я сам. Ринсвинд провел черту по песку. Какая польза может быть от него самого, Ринсвинд не представлял себе, но решил вернуться к этому вопросу позже.

Три: Эрик. Тринадцатилетний заклинатель демонов с вулканическими прыщами.

Вот, собственно, и всё.

Ринсвинд смотрел на чистый, новенький песок, ковыряя его носком туфли.

Потом он тихо позвал:

– Эрик! Можно тебя на минуточку...

Волны становились сильнее. Они, похоже, усвоили идею прилива и пробовали теперь набегать и откатываться.

В клубе синего дыма воплотился Астфгль.

– Ага! – воскликнул он, но никакого эффекта его слова не произвели, потому что услышать их было некому.

Он огляделся. На песке были следы. Сотни следов. Они кружили то вперед, то назад, словно кто-то отчаянно искал что-то. Потом следы обрывались.

Астфгль нагнулся. Разобрать было очень трудно – следы вдоль и поперек, да ещё работа ветра и волн – но на самом краю извилистой границы прибоя виднелись безошибочные признаки магического круга.

Астфгль позволил себе такое выражение, от которого песок вокруг него превратился в стекло. И исчез.

Прилив уже вполне разобрался со своей задачей. Одна из волн захлестнула ямку между камней, и новенькое солнце уронило свой лучик на размокающие остатки недоеденного бутерброда с яйцом и салатом. Волна перевернула его. Тысячи микробов внезапно оказались в эпицентре блаженства и принялись размножаться, как одержимые.

Если бы бутерброд был с майонезом, то вся история мира могла бы стать другой – более мягкой, сбалансированной, ароматной, а также с нотой горчинки, но исключительно для пикантности.

Перемещение при помощи магии имеет свои большие недостатки. Во-первых, это ощущение, что твой желудок за тобой не поспевает. Во-вторых, это ощущение ужаса от того, что пункт назначения никогда нельзя обозначить с точностью. Дело не в том, что в результате можно очутиться где угодно. Дело в том что “где угодно” – это только малое подмножество возможных вариантов. А само путешествие как раз дается легко. Нелегко попасть в такое место, где удастся сохраниться во всех четырех измерениях одновременно.

Шансов на ошибку обычно бывает так много, что Ринсвинд испытал немалое облегчение, когда они оказались на песчаном полу вполне обыкновенной пещеры.

В дальнем ее конце виднелась дверь.

Это была очень серьезная дверь. Казалось, тот, кто ее построил, основательно изучил все тюремные двери, какие смог найти, а потом засучил рукава и сотворил настоящую симфонию для глаз. Эту дверь правильнее было называть воротами. Вокруг нее вились полустертые древние и, должно быть, грозные предупреждающие

надписи, но им не суждено было быть прочитанными, потому что поверх них кто-то приклеил яркий красно-белый плакат с надписью: “Любишь работать, как “проклятый”? Твое место с нами!!!”

Ринсвинд прищурился на плакат:

– Конечно, я понимаю, что здесь написано, – сказал он. – Но вот что они хотели этим сказать – я не понимаю. А три восклицательных знака, – продолжал он, неодобрительно качая головой, – это верный признак душевного расстройства.

Ринсвинд оглянулся. Позади догорали очертания магического круга.

– Не хочу показаться занудой, – продолжил Ринсвинд. – Но ты обещал, что мы вернемся в Анк. А это не Анк. На это указывают некоторые детали. Например, красные отсветы на стенах и отдаленные вопли. В Анке вопли редко бывают такими отдаленными.

– По-моему, главное – мне удалось вытащить нас оттуда, – огрызнулся Эрик. – Магические круги вообще нельзя запускать в обратную сторону. В теории это означает, что ты остаешься в круге, а реальность вокруг тебя движется. По-моему, прекрасно получилось. Оказывается, если переписать исходный кодекс, – заговорил Эрик увлеченно, – а потом – и это самое трудное! – перенаправить его через высокоуровневый...

– Да-да, очень умно это все придумано, – остановил его Ринсвинд. – Дело только в том, что мы, судя по всему, попали в ад.

– Допустим, и что? – Спокойствие Эрика удивило Ринсвинда.

– Ну, как что? Ад, где демоны и все такое прочее!

– Допустим, и что?

– Ну, обычно считается, что попасть туда – это большая неудача, – сказал Ринсвинд и задумался.

Строго говоря, он не знал доподлинно, что демоны делают с людьми. С другой стороны, он знал, что делают с людьми некоторые люди. После жизни, прожитой в Анк-Морпорке, здесь могло оказаться вовсе не хуже, а лучше. Как минимум, лучше с отоплением.

Ринсвинд поглядел на кольцо, которым предполагалось стучать в дверь. Оно было черное и страшное, но главное – оно было привязано кверху так, что использовать его по назначению не представлялось возможным. Рядом с дверью в дыру, грубо пропиленную кем-то, кто явно не понимал, что делает, и не имел ни малейшей охоты это понимать, была всажена кнопка звонка. Из любопытства Ринсвинд ткнул в нее пальцем.

Мелодия, которую вложили в этот звонок, возможно, была когда-то популярной песенкой. Возможно, ее сочинил талантливый композитор, которому однажды открылась музыка небесных сфер. Но звонок издал лишь первые четыре ноты: динь-ДОН, бим-БОМ.

Назвать то, что открыло нашим путешественникам дверь кошмаром было бы насилием над языком. Обыкновенно кошмар – это довольно глупая штука, и очень нелегко бывает объяснить досужему слушателю, что же такого ужасного в оживших носках или гигантских морковках, выпрыгивающих из-за изгороди. То, что открыло им дверь, могло быть лишь жутким произведением кого-то, кто перебирал все свои самые ужасные фантазии в трезвом уме и здравой памяти. Щупалец у этого создания было больше, чем ног, но рук меньше, чем голов. Ещё у него был нагрудный значок на булавке. На значке было написано: “Я – Извергибель, Исчадие Ада и Мерзостный Страж Врат Скорби. Чем могу помочь?”

Носитель значка явно был ему не очень рад.

– Итак? – проскрипел он.

Ринсвинд ещё дочитывал надпись на значке.

– Чем же вы можете нам помочь? – наконец спросил он со страхом.

Извергибель, чем-то напоминавший покойного Кетцальколготля, скрипнул ансамблями зубов:

– Добро... Пожаловать... – выдавил он из себя голосом человека, которого терпеливо заставили выучить весь текст с помощью веревочной петли и палки. – Я Извергибель, Исчадие Ада, и сегодня я – Ваш провожатый. Позвольте приветствовать Вас и проводить в Ваши комфортабельные...

– Погоди-ка, – попросил Ринсвинд.

– ... Удовлетворяющие всем Вашим требованиям... – чеканил Извергибель.

– Тут какая-то ошибка, – добавил Ринсвинд.

– ... Со всем должным уважением к запросам нашего Уважаемого Клиента, – стоически продолжал демон.

– Простите, – попытался остановить его Ринсвинд.

– ... Которые мы постараемся удовлетворить в меру наших скромных сил, – закончил Извергибель. Откуда-то из его жвал послышался звук, похожий на тихий вздох облегчения. Теперь он обрел способность слушать. – Что такое? – поинтересовался он.

– Где мы? – спросил Ринсвинд.

Несколько ротовых отверстий проревели:

– Вопите, грешники!

– Что? Мы в пите? – не понял Ринсвинд.

– Возопите и восплачьте, грешники, – пояснил демон, – ибо карой вам будет вечная... – тут он запнулся и шмыгнул носами. – ... После краткого периода исправительной терапии, – вспомнил он и понес дальше, с ненавистью выплевывая каждое слово, как ругательство, – которая, мы надеемся, будет максимально полезной и приятной, со всем уважением к правам и потребностям нашего

Уважаемого Клиента!

Монстр подмигнул Ринсвинду несколькими глазами:

– Гадость какая, а? – сказал он уже более спокойным голосом. – А что я? Будь моя воля, вы давно бы уже были старыми добрыми шашлыками на палочке.

– Это же ад, да? – спросил Эрик. – Я видел картинки.

– Ад крошечный, – печально подтвердил демон. Он присел на пол – точнее, сложился каким-то сложным образом. – Индивидуальный подход – вот как раньше было. Каждый чувствовал себя личностью. Интерес к себе чувствовал. Что он не просто инвентарный номер, а какой-никакой проклятый грешник. У нас были традиции. Профессиональная гордость. Но ему же на это на всё... Ладно, что я вам рассказываю. У вас, небось, своих неприятностей хватает. Мало вам, что ли, было умереть да еще попасть сюда. А вы, кстати, случайно не музыканты?

– Да мы, собственно, даже не ум... – начал было Ринсвинд, но демон не слушал его. Он поднялся с пола и двинулся вперед по сырому темному коридору, знаками призывая их следовать за ним.

– Музыкантам тут у нас несладко. В смысле, этим – особенно несладко. Тут из стен целый день играет музыка. Ну, так он это называет. Я лично ничего не имею против хорошей музычки, под которую можно с чувством повить-повизжать. Но не это же! Я вот слышал, что все лучшие музыканты – тут у нас, так неужели трудно было найти что-нибудь не такое, как будто кто-то включил пианолу, побацал, а потом встал и ушел, не выключив?

– Я только хочу обратить ваше внимание, что мы...

– А эти растения в кадках! Вы поймите меня правильно – зелень идея хорошая, мне нравится. Но ребята говорят, что эти растения – не настоящие. А я говорю, да ладно! кому вообще придет в голову сделать плющ цвета жабьей кожи и с запахом, как у дохлой крысы? А он говорит – создает уютную домашнюю обстановку. Уютную и домашнюю, слышали? Бывшие садоводы слезами исходят от этой обстановки. Сам видел. Говорят, после этого все, что мы с ними потом делаем – это им прямо курорт.

– Мы ещё не стали бывшими... – попытался Ринсвинд вклинить в бесконечный монолог, но не преуспел.

– Вот кофейные машины – это ещё туда-сюда. Дурного слова не скажешь. Мы и раньше топили грешников в кошачьем дерьме. Но раньше мы не заставляли их покушать его в разлив стаканчиками.

– Мы не мертвые! – крикнул Эрик.

Извергибель остановился – не сразу и не целиком.

– Ну как же не мертвые? – укоризненно возразил он. – А что вы здесь делаете тогда? Живым тут пяти минут не продержаться. – Демон ухмыльнулся несколькими ртами, продемонстрировав разнообразные клыки. – Хе-хе! Хорош бы я был, если б мне пришлось тут живяков гонять!..

Школа выживания в сумасшедше сложном организме Развидимого Университета не прошла для Ринсвинда даром. Он чувствовал себя, как рыба в воде. Инстинкты его заработали с невероятной отдачей.

– То есть, как? – спросил он. – Вас что, не предупредили?

Трудно было сказать, изменилось ли выражение лица Извергибля, потому что трудно было сказать, где именно у него лицо. Но что-то в нем определенно приняло хорошо знакомое Ринсвинду выражение внезапного и пренебрежительного подозрения.

– О чем не предупредили? – промямлил демон.

– А я-то думал, они всех оповестили! Вот ты бы оповестил? – обратился он к Эрику.

– Оповестил о чём... Ай! – не закончил Эрик, схватившись за стукнутую лодыжку.

– Вот, значит, как тут теперь работают! – продолжал Ринсвинд сердито. – Переделывают все на корню, меняют сложившиеся порядки, а о простых тружениках, составляющих стеной хребет...

– Панцирь, – поправил демон.

– ... и другие костные или хитиновые несущие структуры и покровы организации, – завернул Ринсвинд, – о них опять забыли!

Теперь он ждал следующей реплики.

– Дождешься от них, – послушно подал её Извергибель. – Некогда им. Заметочки свои на доски клеят.

– Это возмутительно, – согласился Ринсвинд.

– А знаете, что, – добавил Извергибель. – Вот захотел я вступить в клуб “Для тех, кому за 30 000”. Так не приняли! Сказали, слишком старый. Что ты лезешь, сказали, со своей кислой рожей.

– И куда только катится тот свет? – посочувствовал Ринсвинд.

– Они же тут, внизу, никогда не бывают, – пожаловался демон. – Со мной вообще никто не разговаривает. Только твердят, как это важно, чтобы каждый на своем месте добросовестно делал свое дело. А ты сиди, здоровье трать, охраняй эти дурацкие врата...

– Слушай, – предложил Ринсвинд. – Может, мне там напомнить им о тебе?

– ... Ползай тут кругами, носом землю рой, а им там до тебя...

– Замолвить, может быть, за тебя словечко? – повторил Ринсвинд.

Демон снова шмыгнул носами.

– А вы что, можете? – спросил он.

– Да с радостью, – пообещал Ринсвинд.

Извергибель слегка повеселел, но только чуть-чуть – на всякий случай.

– Ну-у... Не помешало бы, на самом деле, – промолвил он.

Ринсвинд сжал волю в кулак и похлопал чудовище по тому, что, он изо всех сил надеялся, было его спиной.

– Ничего плохого, – подбодрил он, – кроме хорошего.

– Как вы добры!

Над его спиной Ринсвинд снова подмигнул Эрику:

– Ну, нам пора, – сказал он. – Не опоздать бы на собрание.

Подмигивать пришлось очень энергично. И даже сделать незаметный знак рукой. Наконец Эрик осклабился:

– Да, точно, собрание же!

И они зашагали прочь по широкому проходу.

Отойдя немного, Эрик начал давиться истерическим смехом.

– А теперь мы убежим? – спросил он.

– Теперь мы спокойно удалимся, – ответил Ринсвинд. – Шагом. Главное – вести себя естественно и непринужденно. Поспешись – людей насмешишь.

Он посмотрел Эрику в глаза со значением. Эрик посмотрел в глаза Ринсвинду.

Тут Извергибель принялся издавать звуки и подавать знаки, которые можно было истолковать как “эй, погодите-ка, до меня, кажется, дошло”.

– А теперь? – спросил Эрик.

– Вот теперь, по-моему, самое время!

И они побежали.

Ад выглядел совсем не так, как Ринсвинд ожидал, хотя некоторые следы того, каким он был раньше, ещё можно было обнаружить: то в углу забыли ржавые оковы, то с потолка не вытерли копоть и сажу. И только воздух вокруг был перегретый – сухой воздух, который много, много лет пекли в печах...

Ад, как сказал один мыслитель, это другие.

Многих рядовых демонов эта мысль немало озадачила бы. Они были уверены, что ад – это разные острые предметы, которые нужно втыкать в людей, или озера крови, в которых их нужно топить, и прочее, тому подобное.

Это потому, что демоны – как, впрочем, и почти все люди – плохо замечают различие между душой и телом.

А на самом деле, как заметили цари демонов еще много династий тому назад, такие вещи, как, к примеру, раскаленные щипцы, наносят бесплотной душе весьма скромный ущерб, потому что даже сильно развращенные и упорствующие во грехе души рано или поздно понимали, что, лишившись тела, наделенного нервными

окончаниями, испытывать адские муки можно разве что в силу привычки. Эту привычку они в скором времени преодолевали. Демоны же продолжали свое занятие, потому что бессмысленное упрямство и тупость – часть того, что делает демона демоном, но, поскольку никто не страдал, то и демоны не испытывали никакого удовольствия, и весь смысл ада как-то терялся.

И так длилось уже долгие века – века и века бессмысленной траты сил.

Астфгль, не вполне сознательно, внедрил совершенно новаторский подход к этому делу.

Демоны могут свободно перемещаться между измерениями, и Астфгль нашел способ, так сказать, заставить душу плакать кровавыми слезами.

Учитесь у людей, всегда говорил он демоническим владыкам в своем подчинении. Учитесь у людей! Просто диву даешься, чему только можно научиться у людей.

Взять, к примеру, гостиницу. Пусть это будет такой отечественный вариант американской гостиницы, устроенной с тем чисто отечественным умением взять что-нибудь американское и выкинуть из него то единственное, что придавало ему смысл. В результате у вас получается “Макдональдс” с часовой очередью на улице, ансамбль “Земляне” – и вот такая вот гостиница.

Портье закончили рабочий день досрочно и исчезли. Буфет представляет из себя грязно-белый пластиковый стол со снопиком колосков в треснутой вазе, он стоит в дальнем углу и по случаю переучета стаканов закрыт навсегда. Добавьте дождь на улице, телевизор пусть показывает только один канал – и пусть это будет, скажем, ГТРК “Бурятия”, показывающий по кругу позапрошлогодний праздник урожая в селе Нижние Трусея. Во всей гостинице можно найти только одну книгу – ту, которую забыл предыдущий бедняга-постоялец, книгу в которой фамилия автора на обложке оттиснена золотыми буквами намного крупнее, чем ее название, а на обложке, надо думать, изображены роза и пуля, и в книге не хватает многих страниц.

А единственный в городке кинотеатр пусть показывает что-нибудь с индийскими танцами и гнусавой одноголосной озвучкой.

Потом остановите время – но не поток впечатлений, пока жертве не покажется, что пыль из щелей паркета заполняет извилины его мозга, а во рту ничем не перебить вкус дедушкиных вставных челюстей.

И сделайте так, чтобы это длилось вечно. Вечность – это дольше, чем даже до открытия ресторана.

Затем произведите возгонку с последующей абсорбцией.

На Плоском Мире, конечно, существует не все из перечисленного выше, но скука имеет вселенскую природу, и Астфгль в своем аду научился вырабатывать ту скуку высокой пробы, которая, во-первых, стоит вам самим денег, а, во-вторых, поджидает вас именно там, где вы собирались немножечко развлечься.

Полости, открывавшиеся перед Ринсвиндом, были заполнены туманом и

дизайнерскими перегородками. То тут, то там из-под искусственных комнатных растений раздавались вздохи, стоны и громкие зевки, но все остальное время царила тишина, какую издают человеческие мозги, медленно превращающиеся в творог.

– Ничего не понимаю, – пожаловался Эрик. – Где жаровни? Где адское пламя? И главное – где суккубы?

Ринсвинд заглянул за ближайшую перегородку.

Унылый демон с нагрудным значком, оповещавшим, что зовут его Азаремот, Смрад Песьей Пасти, и желавшим читателю хорошего дня, сидел на краю углубления, в котором к большому камню был прикован за руки и за ноги грешник. Рядом сидела изможденная птица. Ринсвинд некогда подумал, что попугаю Эрика досталось от жизни. Эта птица прошла через многое и повидала суровые виды. Перья ее, казалось, сначала выдернули одно за другим, а потом воткнули обратно.

Любопытство в Ринсвинде превозмогло его обычную трусость.

– Что здесь происходит? – спросил он. – Что вы с ним делаете?

Демон перестал чесать пятки о край ямы. Спросить у Ринсвинда, кто он сам такой, ему не пришло в голову. Очевидно было, что, раз Ринсвинд находится здесь и задает такие вопросы, то он имеет на это полное право. Представить себе что-то другое было невысказано.

– Бес его знает, что он такого натворил, – ответил демон, – но, сколько себя помню на этой работе, он прикован к вот этой скале, и каждый день орел прилетает клевать ему печень. Раньше такие штуки были в моде.²⁴

– Что-то у вас не клюет, – заметил Ринсвинд.

– Э! Времена теперь не те. Теперь орел каждый день прилетает и рассказывает, как ему вырезали грыжу. Это, конечно, тоже работает, спору нет, но я бы это адскими муками не назвал, – печально поведал демон.

Ринсвинд поспешно отвернулся, но успел разглядеть лицо грешника, искаженное ужасным мучением.

Были там вещи и похуже. В другой яме сидели на цепи несколько грешников, которым показывали одну за другой какие-то картинки. Демон зачитывал им с листа:

– А это мы в Пятом кругу, только тут не видно, где мы жили, это вон там, слева, за кадром. А вот с этой парочкой мы встретились на следующий день, вы не поверите, у них двушка на Ледяных Пустошах Обреченных, и знаете, кто их сосед?..

Эрик вопросительно глянул на Ринсвинда:

– Он что, показывает им фотографии из своего отпуска?

Путешественники пожали плечами и, качая головой, удалились.

Неподалеку возвышался небольшой холм. У его подножия лежал большой

---

²⁴ Помимо Прометея, знатокам греческой мифологии на ум несомненно пришел и великан Титий, наказанный таким образом за попытку надругаться над нимфой Лето, матерью Аполлона и Артемиды. (Прим. перев.)

круглый булыжник. Рядом сидел грешник, закованный в цепи, в отчаянии обхвативший голову руками. Над ним стоял толстый зеленый демон, сгибаясь под тяжестью огромной книги.

– О, про этого я слышал! – вспомнил Эрик. – Он насмеялся над богами, или что-то в этом роде. Теперь он должен закатывать камень на гору, а камень все время скатывается...

Демон поднял голову:

– Но сперва, – пропищал он, – он обязан пройти инструктаж! Ознакомьтесь с Правилами нездорового и небезопасного поведения при подъеме и перемещении крупных предметов. Сейчас мы читаем Примечания, том девяносто третий. Осталось всего тысяча четыреста сорок томов. Из части первой.

Ринсвинд ценил скуку – хотя бы по той причине, что она так редко случалась в его жизни. Краткие моменты, когда за ним не гнались, не ввергали его в заточение и не грозили забить до смерти, выдавались лишь тогда, когда он падал с большой высоты, и, хотя эти моменты и характеризовались некоторым однообразием, назвать их скучными было никак нельзя. Единственным временем, которое он вспоминал не без сожаления, было время, когда он состоял помощником при библиотекаре Развидимого Университета – на этой службе делать было особенно нечего, кроме как читать книги, следить, чтобы у библиотекаря не кончился запас бананов, да иногда помогать ему справиться с каким-нибудь особенно строптивым гримуаром.

Теперь он начинал понимать, чем именно скука так мила его сердцу: знанием, что где-то рядом, может быть, прямо за углом, происходят гораздо более неприятные, опасные и увлекательные приключения, но к тебе они не имеют никакого отношения. Чтобы наслаждаться скукой, надо сопоставить ее с чем-то другим, похуже.

Здесь же была одна только скука, и сопоставить ее можно было только с другой, ещё большей скукой, и скука росла и росла в масштабах, превращаясь в сокрушительный молот, отбивающий всякую мысль и сознание, молот, валяющий вечность в войлок.

– Какой кошмар! – прочувствованно произнес Ринсвинд.

Грешник в цепях повернул к нему измученное лицо:

– Да что вы говорите, – воскликнул он. – Мне так нравилось закатывать в гору камень! Можно было остановиться поболтать с прохожим. Можно было оглядеть окрестности с вершины. Пробовать разные приемы, хватки, приспособления какие-нибудь. Я был местной достопримечательностью, на меня ходили посмотреть. Развлечение так себе, но это придавало вечности какой-то смысл.

– А я! – вмешался демон, и голос его задрожал. – Я ему помогал. Тут поддержишь, там подхватишь. Ведь правда? Рассказывал новости. Подбадривал, когда камень срывался. Говорил: “Эх, опять укатился, зараза такая!” А он говорил: “Вот сволочь!” Неплохо же жили! Отлично просто!

Демон зашмыгал носом. Ринсвинд сочувственно хмыкнул.

– Не могу я! – простонал демон. – Как нам было хорошо раньше! И кому мы мешали?

– Вот именно, – добавил закованный грешник. – Главное, ты знал, что если вести себя хорошо, можно рано или поздно отсюда выбраться. А теперь? Знаете, мне назначили кружок рукоделия раз в неделю.

– Приятное разнообразие? – предположил Ринсвинд.

Грешник закатил глаза:

– Разнообразие? Корзинки плести?

– Я здесь уже восемнадцать тысяч лет работаю, – пожаловался демон. – Вот таким вот бесенком сюда пришел. Дело свое на зубок знаю. Восемнадцать, сука, тысяч лет при вилах! И на тебе! Читай теперь эту...

По всей преисподней прокатился жуткий грохот.

– Ого, – поежился демон. – Сам вернулся. И, похоже, в паршивом настроении. Давай-ка, кончаем перекур, начинаем приседания.

По всем кругам Аида демоны и грешники хором застонали, заскрипели зубами и принялись расходиться каждый в свой персональный ад.

Прикованный покрылся бисеринками пота.

– Слушай, Виззимут, родное сердце, – предложил он дрожащим голосом, – а что, если мы пропустим пару абзацев? Никто ведь не...

– Служба есть служба, – вздохнул демон. – Ты же знаешь, Сам будет проверять. Если вдруг что, – пойдут клочки по закоулочкам.

Демон горестно улыбнулся Ринсвинду и погладил рыдающего грешника по спине клешней.

– Вот что, – сказал он. – Я попробую опустить некоторые особые случаи и исключения.

Ринсвинд взял Эрика за руку:

– Пойдем-ка мы отсюда, – тихо сказал он ему.

– Действительно, ужас какой-то, – промолвил Эрик, когда они отошли достаточно далеко. – Даже для цитадели зла это как-то слишком ужасно.

– Угу, – отозвался Ринсвинд невпопад.

Ему очень не понравились слова, что Сам вернулся, и что Сам рассержен. Когда рядом с Ринсвиндом гневался кто-нибудь, заслуживающий заглавной буквы, он чаще всего гневался именно на Ринсвинда.

– Слушай, вот ты столько всего знаешь про это место, – спросил он Эрика, – может быть, ты вспомнишь, как отсюда выбираются?

Эрик почесал в затылке:

– Жаль, что ты не девушка, – сказал он. – В эфебской мифологии есть

девушка, которая ходит сюда каждую зиму.

– Погреться?

– Кажется, там в легенде она и делает зиму. Вокруг себя.

– Знавал я таких, – кивнул Ринсвинд.

– Или что ты не аферист.

– О! Вот тут у нас есть шанс, – встрепенулся Ринсвинд.

– Оговорился. Я хотел сказать, арфист.

– А-а...

– И ещё, самое главное – когда уходишь отсюда, нельзя оборачиваться! Там ещё какие-то гранаты были... а не то превратишься в щепку... Что-то такое.²⁵

– Оглядываться не в моих привычках, – твердо сказал Ринсвинд. – Одно из первых правил: убегаешь – не оглядывайся.

Сзади них раздался дикий рев.

– Особенно если слышишь сзади что-нибудь нехорошее, – продолжал Ринсвинд. – Что касается трусости, то вот это и отличает людей от овец. Люди – они бегут прямо.

Ринсвинд подобрал свою мантию.

И они побежали.

Они бежали и бежали, пока вдруг не услышали голос:

– Ба, знакомые все лица! Какая встреча! Просто удивительно, где иной раз можно свидеться со старыми друзьями!

Голос был им явно знаком. Другой же голос добавил:

– Здравствуй, эта, как его, новый этот, как его!

– Где они?

Владыки преисподней среднего звена трепетали. Их ожидало что-то ужасное. Возможно, даже выговор с занесением.

– Бежать они не могли. – Астфгль изрекал рубленые фразы. – Они где-то здесь. Почему никто не может их найти? Вокруг меня, что, одни некомпетентные идиоты?

– Повелитель!

Князя ада разом обернулись

---

²⁵ Знатки греческой мифологии снова рекомендуют читателю заглянуть в энциклопедию и прочитать – тысяча извинений, перечитать! – миф о Персефоне и историю Орфея. (прим. перев.)

Заговорил темнейший князь Вассенего – один из самых старших демонов. Никто не знал, каков его стаж. Если он не самолично изобрел первородный грех, то, по крайней мере, снял с него одну из первых копий. Он был наделен поистине человеческой предприимчивостью и изворотливостью ума. Собственно, и обличье, которое он принимал чаще всего, походило на печального пожилого адвоката, среди предков которого где-то числился орел.

Все демоны хором подумали: ну, Вассенего, ты доигрался. Это будет даже не выговор. Это будет самая настоящая докладная, с рассылкой по всем отделам и копией в архив.

Астфгль медленно, как на карусели, развернулся. Взяв себя в руки, он уже вернул себе свое любимое обличье, но вышел на новый уровень ярости. Сама мысль о том, что живые смертные шляются где-то по подотчетной ему территории, заставляла его звенеть от злости, как скрипичная струна. Смертным нельзя доверять. Последний смертный, которого впустили сюда живьем, понаписал потом такого... Ну, и вообще – смертные вызывали у Астфгля комплекс неполноценности.

Сейчас вся ударная мощь его гнева сконцентрировалась на старом демоне.

– Вы что-то имели заметить? – медленно спросил Астфгль.

– Я только собирался сказать, о повелитель, что мы тщательно обыскали все восемь кругов, и я практически уверен...

– Молчать! Вы что думаете, я не знаю, что тут творится? – зашипел Астфгль, обводя рисунок на бумажке перед собой на столе. – Я прекрасно вижу, как вы – а также вы – и вот вы – шепчетесь по углам и замышляете бунт! Начальник здесь я, ясно вам? И я требую подчинения!

Вассенего стоял бледный, как смерть. Его аристократические ноздри раздувались, точно сопла ракеты. Всем своим видом он говорил: ах ты напыщенный хлыщ! Разумеется, мы замышляем бунт! Мы демоны или кто? Пока ты учишь кошек класть хозяевам на кровать дохлых мышей, я подстрекаю князей ада! Ах ты, жалкое узколобое ничтожество, перекладыватель бумажек!

Это он говорил всем своим видом, а вслух он тихо сказал:

– Сир, с этим никто не спорит.

– Значит, общитесь еще раз! А этого демона, который впустил их – отправить его в самую глубокую преисподнюю и развоплотить! Вам ясно?

Вассенего поднял бровь:

– Старину Извергибля? Сир, возможно, он сделал глупость, но он верный и ответственный...

– Мне показалось, или вы мне возражаете?

Вассенего задумался. Что бы ни думал о своем царе он сам, демоны очень чтят иерархию и субординацию. Внизу всегда толпится слишком много молодых и

горячих демонов, чтобы показывать им пример переворота и царубийства, не важно по какому поводу. У Вассенего были виды на будущее, и испортить все в одно мгновение он не хотел.

– Никак нет, сир, – ответил он. – Однако, это будет означать, что Врата Скорби останутся без...

– Выполняйте!

Сундук прибыл к Вратам Скорби.

Невозможно найти слова, чтобы достойно описать, как можно разозлиться от того, что пришлось дважды впустую пересечь весь пространственно-временной континуум. А Сундук и пустился в путь уже не в прекрасном расположении духа.

Он поглядел на петли. Он осмотрел засовы. Он отошел чуть назад и, казалось, прочитал новую надпись над вратами. Похоже, она разозлила его еще больше, хотя по Сундуку было трудно сказать наверняка – он практически все время находился, так сказать, за горизонтом событий злости.

Адские врата были очень стары. Не одни лишь время и жар сделали их доски и бревна похожими на черный гранит. Тысячи лет они впитывали ужас и беспросветное зло. Они не просто закрывали проход в стене. Им хватало ума немного заглянуть в будущее и понять кое-что о том, что их ждет.

Они увидели, как Сундук отошел немного назад, спружинил все свои ноги и уперся в песок, чуть наклонившись вперед..

Лязгнул замок. Торопливо раскрылись щеколды. Засовы поползли прочь из скоб. Створки врат распахнулись до самых стен.

Сундук выдохнул. Он выпрямился и зашагал к воротам, делая вид, что прогуливается. Уже почти пройдя мимо напряженно замерших створок, Сундук резко развернулся и отвесил ближайшей увесистого пинка.

Перед ними стояло гигантское ступальное колесо. Все сочленения его страшно скрипели. Колесо не было присоединено ни к чему: это была одна из самых матовых идей Астфля. Единственным назначением колеса было продемонстрировать нескольким сотням грешников, что если прежде им казалось, будто жизнь их лишена смысла, то они вообще не знали, о чем говорят.

– Однако, мы не можем торчать тут целую вечность, – сказал Ринсвинд. – Нам ещё столько всего нужно сделать. Покушать, например.

– Вот одно из величайших преимуществ в состоянии погибшей души, – воскликнул Понсе да Щеботан. – Все тяготы и заботы телесной жизни остаются в прошлом. Разумеется, здесь мы обретаем совершенно новые тяготы и заботы... Но лично я всегда следовал мудрому совету – во всем находить хорошее.

– Этот, как его! Молодец! – каркнул попугай, сидевший на его плече.

– Вот кстати, – заметил Ринсвинд. – Не знал, что домашние животные тоже могут попасть в ад. Хотя я могу понять, почему для тебя сделали исключение.

– Сам дур-рак!

– Почему они не ищут нас здесь, вот чего я не могу понять? – спросил Эрик.

– Закрой рот и шагай, – отвечал Ринсвинд. – Потому что они тупые, вот почему. Они представить себе не могут, что мы делаем то, что делаем.

– Тут я их понимаю, – согласился Эрик. – Я и сам не могу этого представить.

Ринсвинд мрачно шагал в колесе, поглядывая на толпы носящихся мимо и лихорадочно разыскивающих их с Эриком демонов.

– Ну, так что, нашли вы Источник Вечной Юности? – спросил он, когда ему показалось, что нужно все-таки как-то поддержать беседу.

– О, да, всенепременно! – отозвался да Щеботан с воодушевлением. – Чистейший источник в самом сердце джунглей. Невероятной красоты. И я испил из него. Изрядно, можно сказать, испил.

– И как? – спросил Ринсвинд. – Сработало?

– Вне всяких сомнений! Некоторое время я чувствовал себя совершенно обновленным и помолодевшим.

– Но тогда каким образом... – Ринсвинд сделал широкий жест рукой, объединяя в один сюжет да Щеботана, ступальное колесо и теряющиеся в вышине круги Преисподней.

– О... – вздохнул старик. – Это очень печальная и обескураживающая история. Я столько прочел про этот источник! Можно было бы надеяться, что кто-нибудь из авторов этих весьма многочисленных книг упомянет первостепенной важности правило касательно питья этой воды, не так ли, мой друг?

– Можно было бы. А что это за правило?

– Перед употреблением – кипятить! Нетривиально, не правда ли. Какой конфуз!

Сундук продвигался вниз по великой спирали дороги, соединяющей все круги Ада. На него не обратили бы особого внимания даже, если бы не было объявлено чрезвычайное положение. Он выглядел гораздо менее оригинально, чем большинство здешних обывателей.

– Мне скучно, – заныл Эрик.

– Наслаждайся, – ответил ему Ринсвинд.

– Чего мы здесь торчим? Нам надо искать выход отсюда!

– Конечно надо! Только выхода отсюда нет.

– Почему же нет? Выход есть, – произнес голос за спиной Ринсвинда. Это был голос человека, который видел в жизни все, и оно ему не понравилось.

– Лавэол?! – воскликнул Ринсвинд. Обернувшись, он увидел своего предка.

– “Доберешься ты до дома!”, – напомнил Лавэол. – Так ты сказал, слово в слово. Ну, да. Десять лет день за днем то одно, то другое, как из ведра... Нельзя было предупредить, конечно.

– Понимаете, – вмешался Эрик, – мы не хотели нарушить ход истории.

– Ход истории не хотели нарушить, – повторил Лавэол задумчиво, глядя в пол на доски ступального колеса. – Вот, значит, как. Ну, тогда-то что. Тогда все в порядке. Тогда отлично. От лица истории большое вам спасибо.

– Прошу прощения, – вставил Ринсвинд.

– За что?

– Ты сказал, отсюда есть выход?

– Конечно, есть. Через черный ход.

– А где он?

Лавэол на мгновение остановился и указал куда-то в туманную даль.

– Видишь во-он ту арку?

Ринсвинд взгляделся.

– Вроде бы, – ответил наконец он. – Это он?

– Он самый. Долгий и крутой подъем. Только куда он выводит, я не знаю.

– Но как ты его нашел?

Лавэол пожал плечами:

– Спросил у демона, – ответил он. – Всегда есть простой способ.

– Нам туда целую вечность добираться, – захныкал Эрик. – Это же прямо напротив, на той стороне! Никогда мы туда не дойдем.

Ринсвинд кивнул и мрачно продолжил свой бесконечный поход в колесе.

Через некоторое время он спросил:

– А ты заметил, что мы вроде бы стали идти быстрее?

Эрик обернулся.

Сундук вскочил в колесо и теперь старался догнать их.

Астфгль стоял перед своим зеркалом.

– Покажи мне, что они видят, – приказал он.

– Слушаюсь, хозяин.

Астфгль глянул на изображение:

– Объясни, что это значит, – скомандовал он.

– Хозяин, я всего лишь зеркало, что я могу понимать?

– А я, чтоб ты знало, – Владыка Ада, – взревел Астфгль, взмахнув своим трезубцем. – И дурные приметы мне нипочем.

Зеркало прикинуло свои перспективы.

– Мне кажется, я слышу какой-то скрип, владыка, – прозвенело оно.

– Ну, и что?

– Ещё я чувствую запах дыма.

– Какой ещё дым? Я же специальным указом запретил использовать открытый огонь. Что за примитив! Вот из-за этого у нашего Ада такая репутация.

– Явственный запах дыма, владыка.

– Покажи-ка мне... Аид!

Зеркало расстаралось изо всех сил. Царь демонов как раз успел разглядеть, как втулки ступального колеса, раскалившись докрасна, вспыхнули, колесо сорвалось с удерживавших его бревен и покатилось, обманчиво медленно, словно надвигающаяся лавина, через всю юдоль скорбей.

Ринсвинд повис на своем поручне, а ступени мелькали под ним со скоростью, которая стерла бы ему ноги до колен, если бы у него хватило глупости опустить их. Грешные же души радовались неожиданному приключению, как умеют радоваться лишь те, у которых все худшее уже позади. Слышались восторженные вопли и просьбы передать сахарную вату. Ринсвинд слышал, как где-то сзади Лавэол восхищается великолепными ходовыми качествами колеса и вдохновенно толкует да Щеботану, что если взять повозку, которая, как Сундук в колесе, сама укладывает свою дорогу перед собой, да заковать эту повозку в надежную броню, то войны станут намного менее кровавыми, будут вдвое короче, и у их участников останется гораздо больше времени на возвращение домой.

Сундук молча крутил колесо. Он видел своего хозяина, неподвижно висящего на поручне в паре метров от него, и продолжал бежать к нему. Возможно, этот остаток пути занимал несколько больше времени, чем должен был – но это была проблема не Сундука, а самого времени. Поэтому колесо, то вышвыривая из себя очередную визжащую от восторга грешную душу, то наезжая на какого-нибудь нерасторопного демона, катилось все дальше и дальше.

Пока не разбилось о скалу на противоположной стороне.

Лорд Вассенего улыбнулся тонкими губами.

– Час пробил, – произнес он.

Старшие демоны замялись. Разумеется, все они испокон веку закоснели во зле, а Астфгль совершенно точно был не свой парень, а самый противный выскочка из всех, которым когда-либо удалось правдами и неправдами забраться на трон. Но все же... Есть же какие-то вещи!..

– “Учитесь у людей”, – передразнил Вассенего. – Он мне предлагал учиться у людей! Мне! Какая наглость! Какое неуважение! Однако же я последовал этому совету. Я многому научился. Я много думал.

Выражение его лица было невозможно описать. Даже повелители нижних кругов ада, славившиеся своим неукротимым злодейством, отводили от него взгляды.

Герцог Дразомет Превонючий поднял вопросительно коготь:

– А вдруг он что-то заподозрит? – спросил он. – Вы же знаете, каков он в гневе. Выговоры эти... – демон поежился.

– А что мы такого делаем? – Вассенего развел руками в жесте воплощенной невинности. – Что такого? Коллеги, я вас спрашиваю: это что, что-то плохое?

Пальцы его сжались в кулак, и кулаки эти побелели под тонкой, пронизанной синими венами кожей. Он внимательно оглядел лица собратьев, полные сомнения.

– Может быть, вы предпочитаете докладные? – спросил он. – Объяснительные записки? Вызов на ковер?

Словно падающие костяшки домино, демоны один за другим принимали решение. Это было видно по меняющимся выражениям их лиц. Есть какие-то вещи, насчет которых даже демоны могут прийти к общему мнению. Больше никаких докладных, никаких руководящих указаний, никаких мотивирующих встреч и особых рассмотрений на собраниях начальников отделов. У нас тут, конечно, ад, но всему должен быть предел.

Граф Вельземот почесал свой средний нос:

– А вот люди – они всё вот это там придумали сами собой? – спросил он. – Мы точно не давали им никаких, ну, намеков?

Вассенего отрицательно покачал головой:

– Все сами. Своим умом, – ответил он с гордостью, как учитель, лучший ученик которого закончил школу с золотой медалью.

Граф посмотрел куда-то в пространство:

– Я как-то всегда думал, что кошмар – это мы... – промолвил он, и голос его был полон боязливого уважения.

Старый аристократ кивнул. Он ждал этих слов. Пока все остальные болтали о революции и старом добром насилии, он вглядывался в мир людей, наблюдал и преисполнялся изумления.

И этот Ринсвинд подвернулся под руку как нельзя кстати. Ему удалось полностью отвлечь внимание Царя на себя. Вложение в Ринсвинда окупилось сторицей. Этот дурень, небось, до сих пор думает, что все это делали его собственные пальцы! Три желания! Святая простота!..

Вот как вышло, что когда Ринсвинд выбрался из-под обломков колеса, он увидел над собой Астфгля, Царя демонов, Владыку Ада и Повелителя Преисподней.

Астфгль уже прошел через все начальные стадии ярости и теперь находился в том центре циклона, где голос становится ровным, движения сдержанными и полными учтивости, и только клочочек пены на губах выдает ад, который творится внутри.

Эрик выкарабкался из-под сломавшейся оси и поглядел вверх.

– Ой, – сказал он.

Царь демонов поднял трезубец. Трезубец внезапно перестал выглядеть комически. Сейчас он выглядел, как тяжелая железная палка с тремя жуткими остриями на конце.

Астфгль усмехнулся и огляделся вокруг:

– О, нет, – сказал он. – Не здесь. Здесь недостаточно официально. За мной!

Каждому путешественнику на плечо легла тяжелая лапа. Сопrotивляться им они могли не более, чем пара неодинаковых снежинок – струе огнемета. Мгновенная потеря ориентации в пространстве – и Ринсвинд оказался на полу в самом большом зале вселенной.

Это был главный актовый зал Ада. Здесь можно было строить лунные модули. Цари преисподней слышали, должно быть, такие слова, как “скромность” и “утонченность”, но слышали они также и то, что следует гордиться тем, что имеешь, но тем, чего не имеешь, следует гордиться тем паче; а чего они никогда не имели – так это хорошего вкуса. Астфгль сделал все, что мог, но даже ему не по силам оказалось сколько-нибудь заметно усовершенствовать изначально отвратительный дизайн, кричащие цвета и катастрофические обои. Он добавил несколько кофейных столиков и плакат с афишей корриды, но эти детали терялись в общем безобразии, а новенький подголовник на спинке Трона Ужаса лишь подчеркивал самые выдающиеся детали ее кошмарного рельефа.

Двое смертных лежали, распростершись, на полу.

– Вот теперь... – начал было Астфгль, но его голос утонул в раздавшихся вдруг восторженных возгласах.

Астфгль огляделся вокруг.

Демоны всех размеров и форм заполнили почти весь зал, залезая на стены и даже свисая с потолка. Адский оркестр выдал набор аккордов на всевозможных музыкальных инструментах. От стены до стены гигантского зала протянулся кумач с надписью: “Нашому дорогому ночалнику СЛАВА!”

Астфгль немедленно развернулся к Вассенего, стоявшему поодаль в сопровождении других высоких адских чинов, и пробурлил его подозрительным взглядом. На лице старого черта играла улыбка самой невинности, и царь демонов едва не потерял самообладание и не метнул в нее свой трезубец – но Вассенего первым бросился к нему, дружески обнял и принялся хлопать по спине.

– Поздравляем, поздравляем! – восклицал он. – Какое выдающееся достижение!

– Какое достижение?

– О! Выдающееся! Колоссальное достижение!

Астфгль глянул на Ринсвинда.

– Ах, это... – Астфгль смущенно кашлянул. – Это пустяки, – провозгласил он, поднимая голову. – Поняв, что вы не справляетесь, я просто...

– Ну, что вы! – Вассенего улыбнулся ещё шире. – Какие мелочи! Нет, сир. Я имел в виду ваше возвышение.

– Возвышение? – переспросил Астфгль.

– Повышение, сир!

Молодые демоны подняли новый хор возгласов восторга и воодушевления. Эти рады были возможности поорать по любому поводу.

– Повышение? Куда? Я же уже царь... – Астфгль попытался сопротивляться. Он почувствовал, что теряет контроль.

– Царь? Ха-ха! – Вассенего преувеличенно громко расхохотался.

– Как это – “ха-ха”?!

– Помилуйте, сир! Царь! Что такое царь? Сир, я выражу не только мое личное мнение, если скажу, что царь – титул, недостойный демона с такими организаторскими талантами, с таким умением выстраивать приоритеты и добиваться результатов, с таким глубоким пониманием задач, стоящих перед нами, и с таким, не побоюсь этого слова, уникальным интеллектом, демона, под руководством которого мы покоряем все новые и новые глубины, сир!

Астфгль невольно приосанился:

– Но я все-таки должен... – начал было он.

– И в то же время, несмотря на свое высокое положение и колоссальную загрузку, вы находите время, чтобы вдаваться в самые незначительные мелочи нашей работы! – продолжал Вассенего, кивнув в сторону Ринсвинда. – Какая самоотдача! Какая верность служебному долгу!

Астфгль закивал головой:

– Разумеется, я всегда считал, что...

Ринсвинд приподнялся на локтях и подумал: старый дурак, смотри в оба!..

– В связи с чем, – Вассенего поднял голос, сияя, как целое побережье маяков, – на заседании Совета было принято – считаю своим долгом добавить, сир, принято единогласно! – решение учредить совершенно новую почетную должность, дабы по достоинству отметить ваши выдающиеся достижения!

– Я всегда подчеркивал важность правильного ведения документации и отчетнос... – отозвался Астфгль, но минога подозрения вдруг выскользнула из глубин его самомнения. – Погодите, какую должность?

– Должность пожизненного генерального директора Преисподней, сир!

Оркестр грянул что-то, отдаленно напоминающее туш.

– Вместе с новой должностью вам полагается и новый кабинет – гораздо более просторный, чем та каморка, в которой вы вынуждены были ютиться все эти годы, сир! То есть, простите, господин генеральный директор!

Оркестр издал ещё один оглушительный вопль.

Демоны выжидательно молчали.

– И там есть... пальмы в кадках? – спросил Астфгль.

– Сколько угодно! Оранжереи! Джунгли!

Астфгль, казалось, озарялся тихим внутренним светом.

– А ковер? Такой, знаете, от стены до стены?..

– Нам пришлось раздвинуть стены, чтобы уложить этот ковер, сир! А ворс, сир – вы даже себе не представляете! Целые племена подкововерных гоблинов не могут взять в толк, почему свет не гаснет по ночам, сир!

Восхищенный повелитель преисподней не сопротивлялся, когда на плечо ему легла длинная сухая рука, и его, совершенно забывшего о мщении и о Ринсвинде, повели куда-то вдаль сквозь толпы восторженно аплодирующих демонов.

– А ещё я всегда мечтал о какой-нибудь вот такой специальной машинке для кофе... – лепетал он, забываясь.

– Там у вас в отдельном уголке мы выстроили для вас личную кофейню с мельницей и специально обученными баристами. А селектор, сир! Селектор, чтобы передавать ваши указания подчиненным! А новейший деловой календарь – две эпохи на каждой странице! И вот этот специальный контейнер для...

– Разноцветных фломастеров? Я всегда считал, что...

– Всех цветов видимого спектра, сир! – разливался Вассенего. – Давайте же поскорее пройдем туда, сир, ибо, насколько я знаю вашу работоспособность, вы уже изнываете от нетерпения взяться за все те серьезнейшие задачи, которые стоят перед вами!

– Да уж, да уж, пора взяться, пора... – какая-то нездоровая задумчивость скользнула по лицу Астфгля. – Серьезные задачи...

– Насколько я понимаю, ни больше, ни меньше, чем полный, компетентный, решительный и глубокий анализ наших функций, командного взаимодействия, приоритетов и целей, сир!

Тут Вассенего отпрянул. Демоны затаили дыхание.

Астфгль нахмурил брови.

Вращение вселенной замедлилось. Звезды остановились на своих орбитах.

– С последующим разбором полетов? – спросил Астфгль наконец.

– Разумеется! С самым высоким приоритетом, который вы, со всей присущей вам пронизательностью, для этого назначили! – немедленно ответил Вассенего.

Демоны хором выдохнули.

Плечи Астфгля развернулись на десяток градусов.

– Мне понадобится отдельная команда сотрудников, – говорил он, – чтобы сформулировать...

– Вот именно! Сформулировать! Как это точно подмечено! – подхватил Вассенего, которого, похоже, немного занесло. Астфгль начал поворачиваться к нему, но в этот момент оркестр снова грянул туш.

Последнее, что услышал Ринсвинд, когда царя демонов выводили из дверей зала, было:

– ... а для исчерпывающего анализа данных мне потребуется...

Больше он его не видел.

Толпа демонов, которые поняли, что развлекательная программа на сегодня подошла к концу, начала вытекать из противоположных зеленых дверей. Самые догадливые из них уже чуяли в скором будущем запахи гари и серы.

Никто не обращал внимания на двух смертных. Ринсвинд потянул Эрика за рукав.

– Бежим? – спросил Эрик.

– Уходим, – ответил Ринсвинд. – Спокойно, с достоинством и очень...

– Быстро?

– Молодец! Схватываешь на лету!

Смысл в том, чтобы три правильно использованных желания принесли счастье максимально возможно большому количеству людей. И это как раз то, что случилось.

Чумайя были счастливы. Когда никакое количество служения культа не

заставило Сундук вернуться и растоптать врагов, чумайя попросту отравили всех своих жрецов и попробовали вместо своей старой религии просвещенный атеизм. Это означало, что можно убивать столько, сколько захочется, но вставать в такую рань совсем не обязательно.

Цортцы и эфебяне тоже были счастливы – по крайней мере, те из них, кто умел сочинять исторические драмы и играть их в театрах, а ведь только их мнения остаются в памяти. Теперь, по завершении этой долгой и утомительной войны, Цорт и Эфеб могли наконец спокойно заняться тем, чем занимаются все цивилизованные страны – подготовкой к следующей войне.

И обитатели преисподней были счастливы – во всяком случае, стали счастливее, чем были прежде. Снова ярко запылало адское пламя, к старым добрым адским мучениям вернулись бесплотные и совершенно неспособные их ощущать тела, а обреченные на эти муки обрели то, что помогает переносить любое страдание – несомненное и точное знание того, что все могло бы быть гораздо хуже.

И владыки ада тоже были счастливы. Они как раз стояли вокруг волшебного зеркала с бокалами в руках. Время от времени то один, то другой из них несмело похлопывали Вассенего по плечу.

– Так мы их отпустим, сир? – спросил один князь, глядя на карабкающиеся в темноте зеркала фигурки.

– Я думаю, отпустим, – махнул рукой Вассенего. – Кто-то должен рассказать новости там наверху. Это будет нам на руку. Для остра... для осра... в общем, чтобы уважали. Кроме того, в целом они оказались нам по-своему полезны.

И Вассенего перевел задумчивый взгляд в глубину своего бокала, тихо торжествуя.

И все же, и все же, где-то в отдаленных завихрениях своего ума он услышал тихий-тихий голос, который с годами будет становиться все громче и громче – голос, который неотступно слышат все повелители демонов: “Старый дурак, смотри в оба!..”

Трудно сказать, был ли счастлив Сундук. Его вероломным нападениям уже подверглись четырнадцать демонов, не считая тех трех, которых он загнал в их собственный котел с кипящим маслом. Скоро ему придется догонять своего хозяина, но пока что с этим можно было не спешить. Один из демонов судорожно схватился за край котла. Сундук немедленно наступил ему на когти.

Создатель вселенных тоже был счастлив. Он только что в порядке эксперимента вбросил в пургу снежинку с семью лучами – и никто не заметил. А вчера он почти решился попробовать создавать малюсенькие резные буквы из льда. Алфавитный снег²⁶ – о, это будет сногшибательный успех!

---

²⁶ Возможно, читатель что-то где-то слышал про алфавитный суп – бульон, в котором вместо крутонов плавают буквы из обжаренного теста. Зачем они это делают – загадка природы. (Прим. перев.)

Наконец, Ринсвинд и Эрик определенно были счастливы.

– Вижу синее небо! – воскликнул Эрик. – Интересно, где мы выберемся на свет? И когда?

– Где угодно, – отвечал Ринсвинд. – И когда угодно. Ей-боги, мне все равно.

Ринсвинд поглядел себе под ноги на широкие ступени, по которым они постепенно поднимались. Вот это интересно: каждая ступенька была сложена из больших каменных букв. Та, на которую Ринсвинд поставил ногу, гласила: “Я хотел как лучше”. Следующая – “Я думала, тебе понравится”. Эрик стоял на ступеньке с надписью “Ради детей”.

– Вот странно, – сказал Эрик. – Зачем это вот так?

– Что странного? Добрые намерения, – объяснил Ринсвинд. – Это все-таки дорога в ад, а демоны, как-никак, верны традициям.

И хотя все они, несомненно, неисправимые злодеи, они не всегда творят одно лишь зло.

Поэтому Ринсвинд поднялся на ступень с надписью “Наша компания придерживается политики равных возможностей”, прошел через стену, которая закрылась за ним, и шагнул в мир.

Он не мог не согласиться, что все могло выйти гораздо хуже.

Генеральный директор Преисподней Астфгль, сидя в круге света посреди своего погруженного во мрак кабинета, подул в микрофон селектора.

– Алло! – сказал он. И повторил, – Алло!

Никто не отвечал.

Странно.

Он выбрал цветной фломастер и оглядел горы работы, лежащей перед ним. Все эти записи следовало рассортировать, проанализировать, обдумать, оценить количество рабочих часов, разбить на итерации, назначить ответственных и выработать руководящие указания, набросать детальный план, пройти по нему во всех подробностях, переписать, и уж тогда...

Он снова попробовал селектор:

– Алло! Кто-нибудь!

Никого. Ну, да ладно. Столько дел, столько дел. Его время слишком дорого стоит, чтобы терять его по пустякам.

Астфгль зарыл ступни в теплый длинный ворс ковра и с гордостью оглядел вычерченные на доске схемы.

Он стукнул по сложной системе хромированных проволочек и шариков, и шарики принялись деловито раскачиваться и щелкать друг об друга.

Астфгль решительно снял колпачок с фломастера и написал:

“В чем состоит наша работа???”

Подумав некоторое время, он ответил на вопрос красивым ровным почерком:

“Наша работа – вечное мучение!!!”

И в этом тоже было счастье. Своего рода.